

The book cover features a dark, atmospheric background with intricate, swirling patterns in shades of blue and black. The title 'АНГЕЛЫ ЭЛИЗИУМА' is at the top in a purple serif font. The main title 'ДВЕРЗДНЫЙ СВЕЕТ' is written in large, ornate, golden letters across the center. A diamond-shaped rating icon with '18+' is on the right. At the bottom, the author's name 'Оливия Вильденштейн' and her accolade 'АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY' are displayed in white.

АНГЕЛЫ ЭЛИЗИУМА

ДВЕРЗДНЫЙ
СВЕЕТ

18+

Оливия Вильденштейн
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Оливия Вильденштейн
Звёздный свет
Серия «Freedom. Ангелы
Элизиума», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69576268
Оливия Вильденштейн. Звёздный свет: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-191832-3

Аннотация

У Найи и Адама не было ничего общего, кроме черных крыльев и одного дня рождения на двоих.

Милая и прилежная Найя всегда соблюдала правила. Высокомерный и грубый Адам нарушал каждое из них. Она любимая дочь архангела. Он главный бэдбой гильдии.

Когда Найя врывается в жизнь Адама, чтобы попросить место в его тайной команде, он отвергает девушку. Последнее, что нужно его отряду, – это внимание архангела. А последнее, что нужно ему самому, – привлекательная блондинка с обворожительным голосом и пленительным взглядом.

Проблема в том, что Найя внезапно и необъяснимо стала единственной, чего он на самом деле желал...

Содержание

Пролог	8
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	48
Глава 6	68
Глава 7	79
Глава 8	94
Глава 9	104
Глава 10	114
Глава 11	120
Глава 12	130
Глава 13	140
Глава 14	149
Глава 15	168
Глава 16	175
Глава 17	180
Глава 18	190
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Оливия Вильденштейн

Звёздный свет

Olivia Wildenstein

STARLIGHT

Copyright © 2021 by Olivia Wildenstein

© Борискина В. А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

«Звездный свет»... одна из моих самых ожидаемых книг! С нетерпением ждала ее с тех пор, как прочитала предыдущие: «Перья» и «Серафим». Оправдала ли она

мои ожидания? Полностью!»

Amazon.com

Иерархия ангелов

Серафим

Также их называют архангелами. Всего их семеро. Высшие небесные существа. Истинные (чистокровные ангелы).

Малахим

Сборщики душ. Истинные.

Ишим

Оценщики. Определяют баллы греховности. Истинные.

Арелим

Стражи небес. Истинные и гибриды.

Офаним

Работники гильдии: профессора и руководители. В основном гибриды, но ими могут стать и истинные.

Неоперенные

Юные ангелы, которые еще не заработали свои крылья. Истинные и гибриды.

Нефилим

Падшие ангелы. Опозоренные. Бескрылые. Смертные.

Шорим

Ангелы-хранители.

Истинные и гибриды.

Ангельский глоссарий

aheevaleh – любовь моя

ayim – небесная вода

haccoul – элизианская дикая кошка конфетного цвета

kalkohav – звездный свет

kaskaseem tobahat – перхоть в заднем проходе

leh – мой

lehatsamehot – покажись

levsheh – милая/дорогая

motasheh – милая куколка

naida – изысканный

nesahahadza – половинка души

ni aheeva ta – я люблю тебя

vehnleh – сын мой

Предупреждение

Действие «Звездного света» происходит спустя восемнадцать лет после событий «Перьев». Я позволила себе историческую вольность и для сюжета превратила президентскую республику в королевство. Пожалуйста, помните, что это по-прежнему художественное произведение, и, хотя моя история не является антиутопией, в ней присутствуют паранор-

мальные явления.

Пролог

Два года назад

Адам

Ангельский факт #1000

Достоинство не измеряется размером или блеском крыльев.

– Не фанат вечеринок?

Я взглянул на ангела, который пристроился рядом со мной в углу освещенного звездами атриума. Темно-русые волосы искусно зачесаны наверх и частично набок, лицо украшают подстриженная борода, серые глаза, золотые крылья. Хотя он и не расправлял их, я не упустил из виду, что они не просто тронуты позолотой, а полностью металлические, будто ангел окунул их в чан с расплавленным металлом. Как и заметил то, насколько крылья густые.

Я вернул взгляд к веселящейся толпе.

– Не фанат вечеринок *гильдии*. Но, полагаю, ты иного мнения, раз присутствуешь на одной из них.

Вознесенный улыбнулся.

– Я спустился с Элизиума не ради празднеств.

– Тогда зачем ты пришел? Чтобы похвастаться своим наследием чистой истинности? – Кости моих крыльев заныли от насмешки, но, что удивительно, ни одно перо не упало.

Два года я зарабатывал и терял пушистые черные колючки на спине, но так и не постиг порога терпимости ишимов.

Улыбка светловолосого ангела стала еще шире.

– Веришь или нет, но я проделал этот путь, чтобы встретиться с тобой, Адам.

Сперва он лишь частично привлек мое внимание, теперь же заполучил его целиком. Я осушил стакан ананасового сока с алкоголем, который нынешний сосед Ноа тайком пронес в лондонскую гильдию для вечеринки, и оттолкнулся от увитой плющом кварцевой стены, чтобы взглянуть в лицо своему гостю.

Я любил сюрпризы так же, как и незнакомцев, – то есть ни капли. Разыскивающий меня житель Элизиума заставил мои перья ощетиниться.

Я скрестил руки на груди, радуясь, что в шестнадцать лет уже был не ниже этого вознесенного.

– Кто ты и что тебе нужно?

– Меня зовут Дов, и я хочу завербовать тебя.

– Как птица? – спросил я, все еще обдумывая вторую часть его ответа.

– Только без «е»¹. – Он протянул руку к радужно-крылому воробью. Обычно пугливый, певчий талисман гильдии приземлился и клюнул костяшку Дова. Не найдя пищи, воробышек спрыгнул и возобновил свой концерт.

¹ Имя Дов (англ. Dov) напомнило Адаму голубя (англ. Dove), только без буквы «е» в конце.

– Завербовать для чего, Дов без «е»?

– Для тайного проекта, который я возглавляю.

Мои перья продолжали топорщиться. Я взглянул в сторону Ноа, но мой друг слишком увлекся, проверяя, насколько глубоко сможет проникнуть языком в горло своей девушки, чтобы обратить внимание на меня и моего элизианского гостя.

Дов оттолкнулся от светящейся кварцевой стены.

– В нашей системе есть малахимы, ишимы, арелимы, офанимы, но нет шоримов. Тебе никогда не казалось это странным?

Хотя мне хотелось сделать вид, что Дов не удивил меня ангельским жаргоном, любопытство взяло верх, и я уступил:

– Шоримы?

– Хранители.

Мой пульс участился.

– Люди постоянно твердят об ангелах-хранителях, но охрана людей не входит в число наших прерогатив. – Дов обвел взглядом огромную комнату, время от времени останавливаясь на одном из сотни или около того неоперенных, сгрудившихся вокруг семи фонтанов. – Я считаю, что охрана пойдет людям на пользу. – Он вернул свое внимание ко мне. – Однако мое предложение не встретило поддержки в Элизиуме, поэтому я и отправился в гильдии. Изучив тысячи анкет, обнаружил, что ты соответствуешь всем критериям, которыми должен обладать хранитель.

Мне не удалось сдержаться, и я фыркнул.

– Разве хранители не должны быть бескорыстными?

– А ты не такой?

Я использовал голоранкер, чтобы находить себе девушек на одну ночь. И да, в конце концов, я исправлял грешниц, на которых подписывался, но мое главное намерение имело абсолютно эгоистичные мотивы.

– Я изучал тебя, Адам. Ты помогаешь многим сверстникам с их миссиями, не получая от этого никакой выгоды.

– Опыт полезен всем.

– Я имел в виду, что... ты сознательный, ответственный... и тебе не все равно. Это те качества, которые я ищу для своих хранителей. – Дов расправил плечи и стал смотреться еще более массивно в серой форме, напоминавшей тогу², которая так противоречила одежде моего поколения, привыкшей к джинсам и футболкам.

– Я ишим, Адам. И знаю *все*, что происходит с нашими неоперенными. *Все*.

Его слова прозвучали скорее как угроза, чем поощрение, тем не менее я спросил:

– Ты сказал «хранители». Есть и другие?

– Ты станешь первым.

– И как долго?

² Тога – верхняя мужская одежда, представляющая собой кусок материи, один край которой перекидывается через плечо, а другой оборачивается вокруг туловища.

- Пока мы не примем решение о привлечении новичков.
- Вынесешь выбор на общий совет?
- Да. Если только ты не хотел, чтобы я...
- Я бы хотел иметь право голоса.

Довольная улыбка изогнула уголки губ Дова.

– Мне все еще нужно будет отправляться на миссии и исправлять людей или ты просто щелкнешь пальцами и у меня вырастут новые перья?

Он рассмеялся.

– Ты мне нравишься. Правда, очень нравишься.

Это нас объединяло.

– Даже серафимы не владеют такой магией, поэтому тебе все равно придется подписываться на миссии. Просто станешь выполнять их дольше. Когда закончишь, не будешь ментить грешника несколько недель. Еще лучше – месяцев.

– Если знаешь обо мне *все*, то в курсе и про моих отцов. Недели с ними могут сработать, но месяцы... без шансов, Иш.

– Значит, недели, пусть так. В любом случае я ожидаю, что ты займешься охраной людей параллельно с миссиями. Я буду приносить тебе досье на грешников, замышляющих недоброе, а тебе нужно будет лишь присматривать за ними, чтобы те не причинили вреда другим существам.

Мое сердце заколотилось, конечности покалывало, а в желудке заныло. В последний раз я испытывал такой прилив сил, когда два года назад кости моих крыльев наконец-то

пронзили плоть вдоль позвоночника.

– Расскажи мне больше.

– Я расскажу тебе все, но только если ты согласен. – Он протянул руку.

Я уставился на нее, затем взглянул на ишима с золотыми крыльями.

– Есть какой-нибудь подвох?

– Все это останется между нами, пока я не докажу, что шоримам есть место в наших мирах.

Меня устраивало.

– Последний вопрос. Не нарушу ли я этим какие-нибудь правила?

– Это когда-нибудь тебя останавливало?

Я медленно улыбнулся.

– Думаю, нет.

Дов кивнул на свою протянутую руку.

Я пожал ее, отмечая свой последний день в роли неоперенной летучей мыши и первый в качестве чернокрылого спасителя.

Глава 1

Наши дни, 2038 год

Адам

Ангельский факт #34

Все неоперенные должны зарабатывать перья.

Неуловимая элизианская наследница здесь, в Лондоне, стояла напротив девушки, которую я собирался вежливо бросить.

Найя Моро.

Ангелам не давали фамилий, и все же у дочери Серафа Ашера она есть. Я фыркнул, чем привлек внимание обеих девушек.

– Моро, да? – Фамилия показалась знакомой. Вероятно, я видел ее на голоранкере. Она не такая уж необычная. – Получила ее от отца или матери? – насмеялся я над блондинкой с блестящими черными крыльями.

Конечно, это немного низко. Даже для меня, но как, во имя Абаддона, ей удалось соврать, не потеряв ни перышка? Найя изучала выражение моего лица.

– Только не говори, что...

Эмми крепче обняла мою руку, еще раз взглянув на Найю.

– Итак, мы направлялись домой.

– Как удачно для меня, – улыбнулась чернокрылая не-опе-

ренная, растянув губы и обнажив безупречно белые зубы.

Разумеется, ее зубы были безупречны. В конце концов, эта девушка не человек. Но вот ее волосы... Они объемные, наполовину волнистые, наполовину прямые, будто она полдня валялась в постели.

Мое тело напряглось от вспыхнувшего в голове образа. Я стряхнул руки Эмми с предплечья, спрятал крылья и бодро зашагал по улице. В мои планы входило покинуть Лондон утром, но я решил перенести отъезд на сегодняшний вечер.

Когда я дошел до белого здания с блестящей черной дверью и греческими колоннами, втиснутого между одинаковыми узкими столь же белыми домами с черными дверями и такими же колоннами, раздался радостный звон телефона. Я достал мобильный из заднего кармана джинсов, прислонился к колонне и открыл сообщение.

ГАЛИНА: *Видел новости, милый? Серийный убийца окрашивает Чикаго в красный. Встретимся в Городе ветров?*

На экране появилась ссылка на статью. Я щелкнул по ней и пролистал абзацы. Чтоб мне провалиться.

ГАЛИНА: *Большой Ди считает, что тебе следует остаться в Лондоне, чтобы присматривать за семейкой, но я думаю, было бы неплохо снова собраться вместе всей командой. Прошло слишком много времени.*

Я: *Полагаю, я мог бы приехать на некоторое время, а потом вернуться.*

На экране высветилась GIF-картинка с поднявшей руки танцовщицей.

ГАЛИНА: *Великолепно. Все уже в пути. Я нашла невероятно симпатичный дом, который мы можем использовать как базу.*

Я не стал спрашивать, как она его отыскала. Галина умела находить общий язык с людьми, как с простыми смертными, так и с ангелами, что давало ей доступ ко множеству преимуществ.

ГАЛИНА: *Если только ты не предпочитаешь спать у Эмми. Или у следующей грешницы...*

Я: *Мне нужно переехать, иначе отцы заподозрят неладное. Пришли адрес. Встретимся там через пару часов.*

Убрав телефон в карман, я нетерпеливо постучал ногой. Так и слышу, как папа поучает меня, что нетерпение лишает жизнь ее сладости. Будучи вознесенным уже две сотни лет, он обладал роскошью терпения. Когда я окажусь в ангельском мире, где у меня не будет дел и появится слишком много времени, я научусь сидеть спокойно и ухмыляться, глядя на нерасторопных людей.

Эмми и Найя приближались со скоростью улитки, болтая лишь ангелы знают о чем. Возможно, о лондонской погоде – вечно паршивой – или, быть может, Эмми перечисляла, какие удобства прилагаются к квартире, – никаких.

– Ты ведь не беглянка? – спросила Эмми, когда они наконец добрались до девятого дома по Куинс Гейт.

Найя закинула сумочку на свободное плечо, отбросив непослушные волосы, и поставила свой маленький чемодан на колесики.

– Почему ты так подумала?

Чертов Абаддон, ее голос... хриплый с нотками мурлыканья. Если наследница не вознесется, она всегда сможет найти работу в колл-центре для взрослых. От этой мысли мои губы изогнулись в кривой ухмылке. Ее дорогому папочке точно понравится.

Эмми указала на нее.

– Просто расставляю все точки над «i». Не хочу попасть в неприятности с властями.

– Я просто туристка, которая приехала познакомиться с вашим городом и его жителями. – Найя указала на красочный район с таким воодушевлением, что я почти поверил, но каждый житель гильдии знал, что она преследует одну-единственную цель: поскорее добраться до Элизиума. Она не любительница достопримечательностей, а охотница за перьями. – Может, покажешь мне свои любимые места в городе? Если только не занята своей стажировкой.

Вероятно, в этом заключалась часть тактики Найи по исправлению – провести время с Эмми. Несмотря на всю работу, которую я проделал с девушкой в перерывах между миссиями шорима, она все еще не могла удержаться от того, чтобы не стащить чужие вещи.

Голубые глаза Эмми заблестели, когда она ступила на

крыльцо дома своей семьи.

– Обычно я провожу время с Адамом.

Твой график скоро станет свободным, дорогая.

Я жаждал почувствовать грусть, но ощущал лишь облегчение. Если мой лучший друг Ноа привязывался ко всему, что двигалось, – будь то животное, человек или ангел, – я ни к чему не испытывал привязанности. Особенно к людям. Какой в этом смысл? Я связан с Элизиумом, и, хотя некоторые из людей в конце концов найдут путь туда, я не собирался ждать, пока малахим соберет их души и пронесет по потоку.

Вставляя ключ в замок, Эмми оглянулась на меня, стоявшего со скрещенными руками.

– У тебя еще остались вещи в той квартире, Адам, или ты все перенес в мою?

Я желал, чтобы замок поскорее щелкнул, дабы можно было зайти, а потом и выйти, но древняя бронзовая штукавина оказалась более темпераментной, чем Дов, когда мы просили его о помощи. Несмотря на то что охрана людей была его идеей, сам он не стал пачкать руки.

– Замок бывает капризным, – объяснила Эмми, а затем с гордостью добавила: – Он старинный.

Учитывая направление взгляда Найи – нацеленного на меня, – она не казалась слишком озабоченной неисправным устройством.

Наконец замок щелкнул. Я оттолкнулся от колонны и распахнул дверь, придерживав ее для дам.

– Адам? – Эмми перекинула хвост через плечо.

– Что? – От моего резкого тона ее глаза округлились. – Прости. Что? – На этот раз я сохранил совершенно спокойный тон. Я был кем угодно, но не козлом по отношению к женщинам. И никак не мог понять, почему присутствие Найи превращало меня в него.

– Я спросила, остались ли у тебя какие-нибудь вещи в квартире, которую Найя берет в аренду? – Эмми играла с кончиками волос. Так проявлялся ее нервный тик.

Мне уже хотелось сказать, что квартира пустует и так было всегда, поскольку использовал ее в качестве предлога, чтобы сблизиться с Эмми, но я передумал.

– Лучше пойду проверю. Не хочу, чтобы Найя Моро наткнулась на то, что заставит ее покраснеть.

– Не нужно злоупотреблять моей фамилией, Адам. Можно просто Найя.

Я ухмыльнулся.

– Схожу за ключом. – Эмми взбежала по лестнице на второй этаж.

Когда раздался скрип петель, я склонил голову набок и внимательно рассмотрел светловолосую неоперенную в желтом свете лестничной площадки. Я вспомнил, что слышал, как некоторые из моих товарищей по гильдии обсуждали ее фигуру, познакомившись с Найей во время межгильдийских танцев, на которые я не попадал. Думал, что парни преувеличивают, насколько хорошо она сложена – в конце концов,

большинство неоперенных – мешки с костями, – но она полна подтянутых и выразительных изгибов.

– Скажи мне, Найя, это совпадение, что ты выбрала Эмми Роджерс?

Не сводя с меня глаз, она выдала односложный ответ:

– Нет.

Глава 2

Найя

Я расправила плечи, когда зеленые глаза Адама сузились еще больше.

Если *ара* узнает, почему я искала сына его лучшего друга, он меня убьет. Не буквально, конечно же. Пока у меня есть кости крыльев, убить меня нельзя. К тому же отец не кровожаден. Он бы просто сказал мне, как сильно разочарован и как он воспитывал меня, призывая не нарушать правил, а затем напомнил бы, насколько близка я к своей цели в тысячу перьев.

С самого рождения я соблюдала *все* правила моих родителей, все правила мира и зарабатывала перо за пером, чтобы доказать свою ценность. Не то чтобы я перестала быть хорошей девочкой, просто готовилась стать еще лучше.

– Ты здесь не ради Эмми, не так ли? – Дыхание Адама скользнуло сквозь небольшое пространство между нашими телами.

– Я подписалась на нее, но ты прав, я здесь не ради Эмми. А ради тебя.

Его зрачки расширились, поглощая красочные радужки, пока не осталось только тонкое изумрудное кольцо.

– Ха. Так и знал.

Неоперенный, которого я расспрашивала об Адаме, предупредил, что он не очень хорошо воспримет мой визит. Но не упомянул о размере эго этого парня.

– Настолько высокого о себе мнения?

Адам улыбнулся, продемонстрировав мне одну ямочку и очередную порцию высокомерия.

– Давай обойдемся без любезностей.

– Едва ли наше общение можно назвать любезным, – mildly заметила я, но от моих слов его губы только сильнее изогнулись, углубив ямочку.

– Что тебе от меня нужно, Найя Моро?

– Хочу принять участие. Попасть внутрь.

– *Попасть?* – Казалось, он стал неподвижнее и выше. – Тебе придется уточнить. В мою старую квартиру? В круг моих знакомых? В мою постель?

Я не могла не закатить глаза. То есть... серьезно? Адам думал, что я проделала весь этот путь ради того, чтобы переспать с ним? Не говоря уже о том, что у него есть девушка, которая, судя по скрипу лестницы на втором этаже и звякающую металла, возвращалась вниз с ключами от квартиры, за аренду которой я заплатила за месяц вперед.

Я отступила на шаг от высокого мужчины.

– Ноа направил меня к Дову, который послал к тебе.

Упоминание имени его лучшего друга и вознесенного, стоявшего во главе, произвело желаемый эффект – самодовольство Адама померкло.

– Ты встречалась с Довом?

– Да.

Чернокрылый неоперенный понизил голос до грубого шепота.

– И он согласен с тем, чтобы дочь серафима присоединилась к нам?

– Я ведь стою здесь, разве не видишь?

– Все в порядке? – Эмми, нахмурившись, смотрела на меня.

– Да, – улыбнулась я. – Как раз рассказывала Адаму, что столкнулась с его лучшим другом в Стокгольме и тот передавал привет. Вернее, «hej»³.

Вена на виске Адама сильно пульсировала.

– Так вы двое знакомы? – Эмми обвила его талию, как бы напоминая, что он принадлежит ей.

– Нет, но наши отцы – лучшие друзья. – Я зацепила прядь волос, которая застряла между шелковым бомбером и ремешками сумочки, и освободила ее.

– Ваши отцы – лучшие друзья, но вы никогда не встречались?

Жилы Адама вдоль шеи напряглись.

– Не имели удовольствия познакомиться лично.

Эмми моргнула. По правде говоря, мне тоже казалось странным, что мы никогда не пересекались. Тем более что я хорошо знала Тобиаса и Габриэля. Особенно Тобиаса.

³ Привет (*швед.*).

Два года назад я спросила *ата* об Адаме и о том, почему он никогда не приходит на семейные мероприятия гильдии. В обычной манере Селесты она ухмыльнулась и ответила: «Звездный Свет, считай, тебе повезло, что ты вообще виделась с мальчиками. Если бы это зависело от твоего отца, он бы держал тебя взаперти, пока тебе не исполнится хотя бы сотня лет».

Я вздыхала тогда и вздыхаю сейчас, потому что отец слишком заботлив и всегда делал все возможное, дабы отвалить от меня потенциальных женихов. Поскольку он один из Семерки, его старания возымели эффект. Парни поглядывали на меня, но ни один не осмеливался подойти. Моя лучшая подруга Рейвен рассказала, будто по гильдиям и Элизиуму даже ходили слухи, что если кто-нибудь хоть пальцем меня тронет, то после вознесения его сразу отправят в Абаддон. Ума не приложу, как в это могли поверить, но мой отец порой вел себя очень устрашающе.

Я обогнула неподвижно стоящую передо мной парочку и подошла к единственной двери на этом этаже.

– Квартира уровнем ниже. – Эмми кивнула в сторону лестницы.

Я нахмурилась.

– Мне казалось, там есть сад и много естественного света? – То, что я планировала использовать арендованную квартиру в качестве оперативной базы, не означало, что мне хочется жить в промозглом подвале.

Адам издал звук, который задел меня за живое.

– Тебе лучше отправиться домой, принцесса.

Отправиться домой не представлялось возможным, поскольку дом полон зорких глаз, и мое новое начинание потерпело бы крах и сгорело еще до взлета, если бы кто-нибудь о нем узнал.

Эмми приподняла бровь.

– Принцесса? Ты королевских кровей?

Я стрельнула в Адама многозначительным взглядом.

– Нет.

На протяжении многих лет я слышала, как ангелы по-разному описывали сына Тобиаса. Три наиболее распространенных прилагательных звучали так: *тщеславный, высокий и грубый*. Некоторые оказались достаточно щедры, чтобы назвать Адама красивым. На мой взгляд, все его черты слишком крупные и мрачные. Кроме глаз. Они яркие, но такие расчетливые, что могли бы быть и черными, в тон крыльям.

– Следуй за мной. – Эмми спустилась по лестнице впереди меня. На нижнем этаже оказалось две двери. Она кивнула на ту, что покрашена коричневой краской, которая местами облупилась, затем вставила в замок огромный ключ и повернула. Дверь открылась быстро, но, учитывая ее толщину, она, вероятно, распахнулась бы и от удара локтем.

Девушка Адама включила свет, и зажглась потолочная лампа из папье-маше.

– Здесь небольшая кухня. – Эмми указала на шкаф, отде-

ланный плиткой цвета охра, с маленьким белым холодильником, тостером и раковиной. – Ванная с этой стороны. – Она кивнула на дверь напротив, а затем прошла в квадратное помещение с раздвижными стеклянными дверями, белым ламинированным комодом, двуспальной кроватью и передвижными стойками с голыми вешалками. – Ты принесла аванс наличными, как я просила?

Я вынула из кармана конверт с ежемесячным пособием гильдии и передала ей в руки.

Эмми заглянула внутрь, пересчитала стофунтовые купюры, затем засунула конверт в задний карман белых джинсов.

– Свежие простыни в комоде. Полотенца тоже. В коридоре есть подсобное помещение со стиральной машиной и сушилкой. Тебе придется купить собственный стиральный порошок. Зато Wi-Fi бесплатный. Пароль – *emmyrogers111*, все строчными буквами. – Она пошла обратно к двери, но остановилась, заметив, что Адам не следует за ней. – Ты идешь?

– Хочу еще немного осмотреться.

– Я могу подождать.

Его челюсть дернулась.

– Я сейчас поднимусь.

Эмми напряглась. Она взглянула на Адама, затем на меня, потом снова на него и повернулась, волосами рассекая воздух. Поскольку она не закрыла дверь, скрип лестницы заполнил крошечное пространство.

Через минуту дверь с грохотом закрылась. Адам подо-

шел к комоду и длинными пальцами методично цеплял ручки, открывая и закрывая ящики, ни на мгновение не отводя взгляда от моего лица.

Очевидно, обыск квартиры являлся предлогом для разговора, и Адам делал все возможное, чтобы не потерять перо.

– Что именно Ноа и Дов тебе рассказали?

– Они объяснили, чем вы занимаетесь то длительное время, что подписаны на миссии.

– Имеешь в виду... соблазняем женщин, ходим в рестораны, посещаем бары?

– Уверена, что ты делаешь все это и даже больше, но намекала я на другое, Адам.

Захлопнув ящик, он шагнул ближе ко мне, носки его белых кроссовок уткнулись в мои коричневые ботильоны на каблуках.

– Ты. Ничего. Не знаешь.

Я склонила голову, не желая поддаваться запугиваниям этого рычащего мужчины.

– В Швеции я подписалась на женщину, которая похитила ребенка. Угадай, кто вошел в ее дом сразу после того, как она пообещала вернуть дитя законной матери? Детектив по этому делу и Ноа. – Из груди вырвался вздох. – После ареста я загнала его в угол, и он сказал, что подписан на эту женщину, но до чего же забавное совпадение, что мы «работали» над одним и тем же делом, однако потом он потерял перо. – Я бросила свою сумку на кровать, а вторую – на край комода.

Мне показалось, что Адам пробормотал слово «слабак», но его губы были сжаты так плотно, что мне, вероятно, показалось.

— Во время нашей двухчасовой прогулки обратно до гильдии я вытянула из него подробности. — Я вытащила из сумочки зарядное устройство и стала искать розетку над плинтусом. Когда нашла одну, присела и подключила разрядившийся телефон. Затем встала, откинула волосы с лица и пристально уставилась на Адама. — Я восхищаюсь тем, что вы, ребята, делаете, поэтому я здесь. Хочу принять участие. Я тоже хочу быть шоримом.

— Нет.

Я моргнула.

— Не могу поверить, что Дов вообще потратил на тебя время. Дочь серафима! — Адам провел рукой по своим густым локонам цвета красного дерева. — Ты понимаешь, что случится с нашей командой, если кто-нибудь в Элизиуме узнает об этом? Они покончат с нашей деятельностью, а возможно, и с нами.

— Я бы никогда не стала стучать.

— У тебя *очень* внимательный отец.

— Именно поэтому я покинула гильдию.

Адам издал разочарованный рык.

— Тем самым совершив первую ошибку!

Я нахмурилась.

— Как это может быть ошибкой?

– Ты когда-нибудь жила вне гильдии?

– Нет.

Он покачал головой.

– Тогда твой отец, вероятно, уже следит за тобой. А значит, он быстро доберется и до нас с Довом. – Адам подошел к стене, выдернул шнур питания из розетки и бросил его в мою сумку. – Отправляйся домой. Я верну тебе деньги. – Он направился к двери.

– И тогда ты позволишь мне помочь?

Развернувшись, он подошел обратно ко мне, оттесняя к кровати, пока мои колени не подогнулись и мне не пришлось сесть.

– Неужели не понимаешь, Найя? Твоя помощь только навредит остальным.

– Ты отказываешь мне из-за родственных связей?

– Ах... Наконец-то осознала.

Его отказ и тембр голоса заставили меня сделать выдох.

– Дов сказал, что я...

– Как лидер команды, я имею право наложить вето на его предложения.

Я поджала губы.

– Ты знаешь, сколько перьев я...

– Более девятист. *Все* знают. Твои родители так гордятся своей малышкой.

– Девятьсот сорок семь, если быть точной, так что...

– Bravo, Звездный Свет. – Он медленно хлопнул в ладо-

ши.

– Не называй меня так, – огрызнулась я.

– Не волнуйся. После сегодняшнего вечера я никак не буду тебя называть, поскольку наши пути больше не пересекутся. Не раньше, чем доберемся до Элизиума, но в моем случае это произойдет через несколько лет. А вот ты вознесешься до конца года. Быть может, даже до конца лета?

– Тебе просто нравится звук собственного голоса? Поэтому не даешь мне закончить ни одного предложения?

Мой упрек заставил Адама умолкнуть. *Наконец-то.*

– Я поделилась с тобой количеством перьев не ради аплодисментов, а чтобы ты понял: родители не лезут в мои миссии, потому что я придерживалась верного пути. Они мне *доверяют*.

– Ты станешь обузой.

– Дов иного мнения.

– А я с ним не согласен. – Взгляд Адама остановился на окне, которое действительно выходило в частный сад. Хотя, можно ли его так назвать, если он не больше кухонного шкафа возле двери? – Ты, черт возьми, уже мешаешь. – На этот раз неоперенный дошел до двери. – Счастливого свершения добрых дел, *Найя*.

То, как он произнес мое имя, – растягивая, будто звук ему неприятен, – заставило мои невидимые перья ошетиниться.

– Меня предупреждали, что ты осел, но ты еще хуже.

Уголки рта Адама поползли вверх, когда он попятился.

– Мне тоже было приятно с тобой познакомиться.

Вместо среднего пальца я показала ему указательный, который защищал меня от гнева ишимов, но был столь же выразителен. Мой молчаливый укор только усилил веселье Адама.

Когда он ушел, меня одолел безмолвный гнев, но затем я поднялась с кровати, взяла зарядное устройство и сунула его обратно в розетку. Мне не нужно одобрение Адама или защита Дова, чтобы охранять ничего не подозревающих людей.

Все, что мне требовалось, – высокоскоростной интернет и голоранкеры, а у меня имелся доступ и к тому, и к другому.

Глава 3

Адам

Ангельский факт #6

Хотя слова предпочтительнее, кулаки тоже разрешены.

Когда я подошел к двери Эмми, кровь во мне бурлила не менее интенсивно, чем вода в фонтане.

Мой план на вечер состоял в том, чтобы в последний раз насладиться Эмми и поработать над сострадательной речью о расставании. А не беспокоиться о том, не угрожает ли костям крыльев моих товарищей ангельский огонь, потому как, если мою команду раскроют, пострадают все, включая Дова.

Оценщик всегда вел себя так осторожно, что я не мог понять, почему он рискнул послать ко мне одного из отпрысков Семерки. Неужели по той причине, что Ноа проболтался и Дов почувствовал себя обязанным признаться?

Я провел руками по лицу, рычание застряло у меня в горле. Наконец я схватил телефон и отправил сообщение Ноа: *Когда ты планировал рассказать мне о своей компании в Стокгольме?*

В тот же момент, когда я нажал кнопку «Отправить», появилось сообщение от него.

НОА: *Только что звонила Галина. Она говорит, что мы*

все переезжаем в Чикаго?

– Малыш? – позвала Эмми.

– Что? – спросил я сквозь стиснутые зубы, мало какое слово раздражало меня больше, чем «малыш». По словам отцов, я не любил, когда меня называли ребенком, даже будучи ребенком.

Она вышла из ванной в одном нижнем белье и нахмурилась. Пока Эмми прохаживалась, покачивая бедрами, я включил телефон и засунул его в задний карман джинсов.

Одна проблема за раз.

Эмми подошла ко мне и обхватила мой затылок.

– Эй... Что с тобой? Что-то случилось внизу?

А? Ох, точно... Найя. Я уставился на половицы, надеясь, что неоперенная почувствует мое раздражение сквозь старое дерево и крашеную штукатурку, затем перевел взгляд обратно на Эмми, пытаясь изгнать наследницу серафимов из мыслей, но ее образ наложился на лицо моей будущей бывшей. Я закрыл глаза и сжал переносицу, пульс застучал в висках.

Мягкие губы прижались к моим напряженным, пытаясь побудить их раскрыться, но разум продолжал размышлять о том, каким должен стать мой следующий шаг.

Должен ли я вернуться вниз, сказать Найе, что передумал, и дать ей какое-нибудь задание, дабы она поверила, будто в деле, и держала организацию в секрете?

Нет. Ее отец узнает. Он настигнет нас прежде, чем я успею сформулировать достаточно двусмысленную ложь, чтобы не

лишиться трехсот шестидесяти трех перьев.

Эмми издала звук, что-то вроде сдавленного воркования, который выдернул меня из мыслей и вернул в ее квартиру. Чем, черт возьми, я занимался? Мне следовало расстаться с ней и уехать, а потом тащиться в Чикаго, чтобы встретиться с остальными. Нужно не только остановить серийного убийцу, но и предупредить их, что Найя знает о нашей «под-голоранкерной» деятельности и что наши шансы быть пойманными сильными мира сего резко взлетели до небес.

Я отстранился от Эмми и отступил.

– Мне жаль, Эм, но я так больше не могу.

Что касается речи о расставании, должен признать, у меня получалось и лучше.

У нее отвисла челюсть.

– Ты бросаешь меня?

Я нахмурился. Моя речь вышла посредственной, но выразительной, разве нет?

– Кое-что произошло, и мне нужно вернуться домой. – Я оглядел гостиную, пытаюсь вспомнить, оставлял ли у Эмми что-нибудь, кроме одежды.

Мой взгляд остановился на керамической вазе в форме полена, которую я наполнил желтыми розами в тот день, когда она вернула бриллиантовые шпильки, украденные у ма-чехи. Моя грешница так и не призналась в краже и не знала, что с помощью букета я поздравлял ее с пробуждением совести.

Тот день совпал с днем, когда у меня появились новые перья, и я отписался от нее. Ровно месяц назад. Я задержался здесь, потому что Дов передал мне утомительное досье на семью предполагаемых филантропов со счетом грехов от сорока семи до ста.

– Когда ты вернешься? – Голос Эмми вывел меня из задумчивости.

– Сюда? Никогда. – Мои пальцы сжались в кулаки, натянув потрескавшуюся на костяшках кожу.

– Не понимаю...

Неужели я снова заговорил на австрийском немецком? Временами я переходил на родной язык. Или французский, хотя и не совсем осознавал, почему он мне так нравится. У меня имелась теория, что моя биологическая мать была француженкой, но *ара* ее быстро опроверг.

Поскольку он все еще стыдился того, что изменил папе, я перестал копать в этом направлении.

Важно не то, как ты появился в этом мире, а то, что ты делаешь в нем. Мантра моих отцов, а теперь и моя.

Если бы у моей команды хранителей имелся девиз, он бы был таким.

– Знаешь что? К черту мою стажировку. Я поеду с тобой. – Эмми развернулась и направилась в спальню, отделенную от гостиной плотной бежевой шторой. – Что мне собрать?

В течение минуты я ошеломленно таращился на нее, а затем поплелся за ней в спальню.

– Извини, но я не возьму тебя с собой, Эм.

– Почему? Потому что я не королевских кровей, как мой новый арендатор?

Я фыркнул. Неужели она думала, что Найя – настоящая принцесса?

– Я бы не смог привести домой и короля Англии, даже если бы захотел.

У короля нет костей крыльев, поэтому я предположил, что он человек. Если только (и это было бы весьма прискорбно) его родители с ангельской кровью забыли подбросить его в гильдию до полового созревания, того волшебного возраста, когда материализуются наши изогнутые кости.

– Почему? – заныла Эмми.

– Потому что мои родители с особым рвением следят за тем, с кем я дружу и кого привожу домой. – Вот так. И это не ложь.

– И что? Я недостаточно хороша?

– Ты очень милая девушка, и все это – *мы* – было весело, но мне восемнадцать, и я не ищу ничего долгосрочного или серьезного. Прости, если ввел тебя в заблуждение. – Я заметил свой травянисто-зеленый джемпер на спинке стула, подошел и забрал его, а затем принялся сбрасывать все остальные предметы одежды, которые хранил у нее дома, в единственную спортивную сумку возле окна.

Застегнув молнию, я повернулся, и *бац!* – моя щека встретила с раскрытой ладонью.

За всю жизнь я получал пощечину только от одного человека – парня из студенческого братства, которого оттащил от девушки на домашней вечеринке, а затем избил до полусмерти.

Благодаря закону о самообороне, очевидно принятому Семеркой по инициативе Серафа Ашера, неоперенных больше не наказывали за применение силы в целях самозащиты, если это не приводило к чьей-либо смерти.

Несмотря на то что отец Найи казался мне неприятным и недружелюбным, особенно по отношению ко мне (одним ангелам известно почему, ведь он давно дружил с *ара*), я ценил серафима за то, что он добился принятия такого закона.

Как бы то ни было, в тот день, когда я получил пощечину, я записался на дополнительные занятия по самообороне в гильдии. А потом, после того как Дов пришел ко мне со своей идеей хранителей, начал искать и преподносить уроки таким грешникам, как тот парень из братства, которые неправильно понимали слово «нет». В общем, та пощечина принесла мне и всему человеческому миру много пользы.

Щеку жгло, я взвалил на плечо свою сумку, гадая, на сколько баллов увеличился счет грешницы Эмми. Причинять боль ангелам было главным запретом.

– Никогда ни на кого не поднимай руку, если только он не пытается причинить тебе боль.

– Ты причиняешь мне боль.

– Нет. Я бросаю тебя. И теперь делаю это без сожалений.

Вернее, с одним. О том, что оставался так долго.

Слезы текли по ее лицу.

– Убирайся из моего дома! Пошел вон!

– Уже иду. – Я остановился у входной двери и посмотрел вниз по лестничной клетке, позволив себе перед уходом вновь подумать о дочери серафима.

Вовлекая ее в это дело, мы втянули бы и ее отца, а этого мы себе позволить не могли.

Глава 4

Найя

Я проснулась от громкого стука. Проверила время на телефоне и застонала – три часа ночи. Я откинула волосы с лица, мои волнистые пряди вышли из-под контроля. Не то чтобы они когда-либо подчинялись укладке. В отличие от волос большинства неоперенных, мои всегда пребывали в беспорядке, но укладка занимала время и делала меня похожей на взрослую женщину, которой я себя еще не ощущала.

Может, когда попаду в Элизиум, гладкие локоны будут мне к лицу. Там мне больше нечем будет заняться. Еще одна причина, по которой я оттягивала вознесение. Я по-прежнему планировала попасть туда в ближайшие год-два, но, в отличие от надежд *ара*, скорее всего, до конца лета я туда не доберусь.

Подойдя к двери, я открыла ее, забыв о двух важных вещах: во-первых, я не в гильдии, а во-вторых, на мне только нижнее белье и футболка; одна из старых футболок *ата*. Я унаследовала всю ее коллекцию в четырнадцать лет, и, хотя я обожала их все, футболка с группой Eagles оставалась моей самой любимой.

Эмми споткнулась, но ухватила за дверную раму.

– Он, мать твою, бросил меня, – пролепетала она. Ее тушь

размазалась, каштановые волосы были распущены, развеваясь вокруг джинсовой куртки, украшенной дюжиной разноцветных булавок. — Сказал, что не может отвезти меня домой. Что я недостаточно хороша для знакомства с его родителями.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, о ком она говорит. Обычно я сообразительнее, но сейчас середина ночи.

— Адам?

— Кто еще, черт возьми?

Я потерла висок.

— Мне жаль.

— Правда?

Мои пальцы замерли.

— А почему нет?

— Дай подумать. — Она сделала неуверенный шаг вперед и постучала в дверь ванной.

Я поймала Эмми за предплечье, чтобы она не упала лицом на зеленый кафель рядом с пивными бутылками.

— Ты прилетаешь в Лондон, и он бросает меня. Что ты сказала ему, когда вы двое, — икнула она, — болтали?

Я чуть не отпустила ее руку, но офанимы научили меня поддерживать людей. Хотя они имели в виду метафизический смысл, я часто применяла его буквально.

— О тебе мы не говорили.

— Тогда почему он меня бросил? — наполовину спросила, наполовину всхлипнула Эмми.

– Не знаю.

– Ты даже не красивая.

Моя хватка дрогнула. Я прекрасно понимала, что не являюсь образцом красоты, но тем не менее слышать это больно. Да еще и от совершенно незнакомого человека.

Я не осознавала, что расправила крылья, пока перья не коснулись задней поверхности бедер.

Эмми стряхнула мою слабую хватку, затем проскочила мимо меня, держась одной рукой за стену и вглядываясь в темноту спальни.

– Он здесь?

Я скрестила руки на груди.

– Нет.

Наверху хлопнула дверь, а затем мужской голос с глубоким акцентом позвал:

– Эммелин Роджерс? Где ты, черт возьми? Ты не можешь звонить мне посреди ночи, а потом бросать трубку.

Эмми, заплетаясь, прошла мимо меня.

– Внизу! Я внизу. – Она прижала ладонь к горлу и выпустила сильно пахнущую отрыжку, – с новенькой. – Эмми врезалась в стену с такой силой, что я забеспокоилась, не выбила ли она плечо, но потом повернулась, приложила к стене обе ладони и окрасила ее содержимым своего желудка.

Ночь будет *долгой*...

– Черт. – На лестнице раздались шаги, а затем появился светловолосый парень в спортивной одежде. Он подошел к

Эмми и обхватил ее за талию, чтобы она не упала в рвоту. – Сколько ты выпила? – Несмотря на то что я молчала и стояла в тени, его взгляд упал на луч коридорного света, лизнувшего мою ногу. Медленно он проследил по нему до моего лица. – Полагаю, ты новый жилец. – Поскольку это очевидно, я не ответила. – Ты, наверное, не знаешь, что она выпила?

– К сожалению, нет.

Эмми снова дернулась, и рвота брызнула на тонкий плинтус.

Я прошла на кухню.

– Принесу ей стакан воды.

– Думаю, это разумно. – Он улыбнулся, и, хотя большинство его зубов были кривыми, мне понравилась улыбка, потому что она излучала искренность.

Открыв кран, я подождала, пока вода не стала прохладной, затем поискала в деревянном шкафу стакан. Схватила первый попавшийся и наполнила его, потом отнесла обратно в крошечный вестибюль и передала другу Эмми.

Он взял его, быстро поблагодарив, затем поднес пластиковый ободок к ее рту и приподнял. Вода полилась по подбородку и шее Эмми, намочив джинсовую куртку и майку.

– Я не хочу воды, Грей.

– Не повезло, потому что тебе понадобится еще целая пинта.

Она оттолкнула его запястье, и, хотя его рука выгнулась дугой, в ту же секунду, как ее пальцы соскочили, он снова

поднес стакан к ее рту. Она неохотно сделала глоток, затем закашлялась. К счастью, ее больше не тошнило.

– Я уложу ее в постель и вернусь, чтобы помочь. – Парень, которого она назвала по цвету его толстовки⁴, выжидательно смотрел на меня, хотя я не понимала причины. – У тебя есть имя, новенькая?

– Ой... Меня зовут Найя.

– Найя. – В отличие от Адама он заставил эти два слога звучать красиво.

– Тебе не нужно возвращаться.

Его взгляд переместился на Эмми, затем обратно на меня, слегка скользнул по моей футболке, а затем снова поднялся к лицу.

– Пять минут. – Он протянул пустой стакан. – Кстати, я Грейсон.

Когда я забрала у него емкость, он поднял Эмми на руки и вышел за дверь, направляясь к лестнице, прежде чем я успела сказать, чтобы он не волновался. Я слышала, как она стонала и что-то бормотала и как он тихо ответил. Кем бы ни был этот парень, хорошо, что она его позвала.

Я вздохнула, жалея, что не обладаю ангельским огнем. Тогда бы убрать было проще простого. Поскольку у меня его нет, я отправилась на поиски моющих средств и нашла одинокий мусорный пакет, а также наполовину использованный рулон бумажных полотенец под кухонной раковиной. Я раз-

⁴ Грей (англ. Gray) – в переводе означает «серый».

вернула маленький пластиковый пакет, намочила бумажное полотенце и потерла его о спрессованный брусок мыла.

К тому времени, как спустился Грейсон, я вытерла все, что могла, и избавилась от крупных кусков ужина Эмми. Наверное, мне следовало бы надеть штаны, но в три часа ночи я не могла думать о практичности. Не говоря о том, что парень уже видел мои мальчишеские трусы в виде шорт и, как упомянула Эмми, я не представляла собой зрелище, достойное внимания.

Он оторвал несколько листов бумажных полотенец.

– Есть что-нибудь кроме этого мыла?

– Сейчас нет. Планировала утром съездить в Теско. Наверное, стоило отправиться сегодня. – Я выбросила еще один испачканный бумажный шарик в мусорный пакет. – С ней все в порядке?

– Эмми уснула, – присев, ответил он. – А ты, случайно, не знаешь, почему она нырнула с головой в бутылку джина?

– Судя по всему, Адам с ней расстался.

Грейсон пристально смотрел на меня с таким бесстрастным выражением лица, что его невозможно было прочесть, но потом вздохнул.

– Она к нему очень привязалась.

Я свернула две последние салфетки, намочила их, затем натерла мылом.

– А он к ней нет?

– Адам? – Голова Грейсона дернулась назад. – Он явно

был с моей сестрой из-за денег. Постоянно пропадал и очень туманно объяснял, почему он в Лондоне и откуда приехал.

Охотник за состоянием? Заключение Грейсона могло бы позабавить, не будь я сейчас обижена на своего товарища неоперенного, который смотрел на меня, как на тлю.

Я стиснула зубы, наклонившись, чтобы вытереть последние разводы от вечеринки с джином Эмми.

– Значит, Эмми – твоя сестра?

– Сводная. Мама вышла замуж за ее отца.

Ох.

– И ты тоже здесь живешь?

– Нет. Я живу в Камдене. Ну, знаешь, возле Примроуз Хилл.

Я понятия не имела, где это.

– Я новенькая в городе, забыл?

– Точно. – Он выпрямился и бросил грязную салфетку в мусорный пакет. Он невысокого роста, но выше моих 5,6 фута⁵.

– Думаешь, ей безопасно спать одной сегодня? – спросила я, потому что смотреть на него в тишине становилось немного неловко. Не то чтобы он выглядел обеспокоенным, скорее расслабленным и улыбчивым.

– Я планировал остаться на ночь.

– Ты хороший брат.

– Стараюсь им быть. – Он потер область стриженных волос

⁵ 5,6 фута – примерно 170 см.

сбоку головы. – Итак, что привело тебя в Лондон?

Я перевела взгляд на стену, на размокшую краску, пытаюсь решить, как объяснить свое путешествие, не солгав.

– Приехала за работой, но не получила ее.

– Работу? Я думал, что ты приехала на летнюю сессию в университет. Сколько тебе лет? Если не возражаешь, что я спрашиваю...

– Восемнадцать. – Я посмотрела на вешалки и джинсы, которые закинула на нее, чувствуя себя недостаточно одетой для длительной беседы.

– Вероятно, мне следует дать тебе немного поспать. И проверить, как там наверху храпящая красавица. – Он закатил глаза прозрачно-голубого оттенка к потолку, затем провел пальцами по челке и попятился, но остановился на пороге. – Увидимся утром, Найя?

Я решительно кивнула.

Наклонившись, он схватил мусорный пакет, завязав его узлом в воздухе.

– Избавлюсь от него.

Пока он шел к другой двери на этаже, которая, как я догадалась, вела в подсобное помещение, я прислонилась к дверному косяку.

– Спасибо.

Возвращаясь ко мне, он вытер руки о штаны.

– Обращайся. – Грейсон поставил ногу на ступеньку, затем повернулся. – Кстати, отличная группа. – Заметив мой

хмурый взгляд, он указал на футболку. – The Eagles.

– Ой, – я опустила взгляд, – ага.

– Жаль, что они распались.

Я теребила подол, пытаюсь натянуть его за край шорт.

– Трое из них вроде как... умерли. – По словам *ата*, один из участников группы грелся на элизианском солнце, давая единичные концерты для пролетающих мимо, а двое других искупали земные грехи в Абаддоне.

– Вроде как?

Я застенчиво улыбнулась.

– Ладно... они *действительно* умерли.

Он ухмыльнулся.

– Спокойной ночи, Найя. Приятно было с тобой познакомиться. Несмотря на обстоятельства.

Я прислонилась виском к торцу двери.

– Спокойной ночи, Грейсон.

Его подбородок залил румянец. Он прикрыл его, одарив меня последней приятной улыбкой, затем повернулся и поднялся по лестнице.

Почему моя встреча с Адамом не могла пройти хотя бы в половину так же гладко?

Глава 5

Найя

Бывали моменты, когда мне хотелось уметь летать.

Прямо сейчас один из них.

Под барабанившим летним дождем, обвив крыльями свое мокрое тело и удерживая руками две промокшие коричневые сумки, полные предметов первой необходимости, я поспешила к девятому дому по Куинс Гейт. Потребовалось около трех минут ковыряния ключом в замке, чтобы открыть дверь, но в конце концов с задачей справился даже не мой ключ, а сводный брат Эмми.

Вода стекала с черных перьев и падала на землю позади меня. Нужно иметь хорошо наметанный глаз, чтобы заметить эти странные брызги дождя, но я все равно спрятала крылья. Тем более что рядом стоял Грейсон. Хотя люди не могли ни видеть, ни касаться наших крыльев, мне не очень нравилось ощущение проходящих сквозь них рук.

– Позволь мне помочь. – Брат Эмми протянул руку, чтобы взять одну из сумок.

– Рада видеть, что рыцарство не умерло.

– Как половина участников The Eagles?

Я рассмеялась.

– Да. Вроде того.

Его голубые глаза сверкнули в водянистых солнечных лучах, падавших ему на лицо.

– Как Эмми себя чувствует? – спросила я, когда Грейсон закрыл за мной дверь.

– Как те товарищи по группе. Мертвецки.

Для нас, ангелов, смерть не являлась чем-то особенным, но для людей все иначе, поэтому я находила нездоровый юмор своеобразным.

Обхватив руками вторую сумку, которая весила столько же, сколько моя пятилетняя сестра Лайла, я спустилась следом за Грейсоном по лестнице, ключи от дома звенели в моих пальцах, отдаваясь эхом в узком пространстве.

– Можно подумать, что с полностью автономным вождением в крупных мегаполисах и сверхскоростным интернетом людям пора отказаться от ключей и замков.

– На ключи не действуют хакерские приемы.

Я поставила сумку перед своей дверью.

– Ох, так ты один из этих...

Он приподнял бровь.

– Один из этих?

– ВРВ. Возрожденцы рубежа веков. – Это всемирная группа, не приемлющая технологии и перемены. Некоторые сопротивлялись во имя какого-либо бога, которого они почитали; другие – из принципа, потому что не доверяли крупным корпорациям или имели этические соображения касаясь того, как технологии влияют на их расу.

Он фыркнул и улыбнулся.

– Я определенно не ВРВ. Я за прогресс и технологии. Что касается ключей, – кивнул он в сторону того, которым я копалась в замке. – Я уговаривал Эмми избавиться от них, но с тех пор, как отец вычеркнул ее из жизни, она пытается экономить, хотя и утверждает, что хранит их, потому что они красивые.

– Вычеркнул ее из жизни?

– Эмми была настоящей тусовщицей. Она привела себя в порядок пару месяцев назад. – Закусив нижнюю губу, Грейсон последовал за мной на кухню и поставил сумку на тесную стойку. – Молюсь, чтобы ее вчерашний эпизод был единственным, а не рецидивом.

Я ненадолго задумалась, не приложил ли к этому руку Адам, но потом выбросила его из головы, не желая позволять портить мне настроение.

– Хочу остаться здесь на несколько дней, чтобы убедиться в этом. – Грейсон вышел в узкий коридор, в котором все еще стоял запах ночного визита Эмми. – Тебе, наверное, стоит проветрить комнату.

– Таким и задумывался следующий шаг. – Пока я рылась в пакетах с продуктами в поисках освежителя воздуха, губки и чистящих средств, брат Эмми подошел к двери во внутренний дворик и открыл ее.

Я присела и распылила спрей, затем помыла стены и половицы, вероятно повредив и то и другое. Но откуда мне было

знать? В худшем случае куплю краску. Может, я и не очень разбиралась в человеческих делах, но зато многое понимала в искусстве благодаря *ата*, которая руководила художественным отделением моей родной гильдии.

И хотя я не обладала ее талантом, все же переняла некоторые ноу-хау. Лайла, с другой стороны, пошла по стопам нашей матери. В пять лет она уже создавала маленькие шедевры. Стена моей спальни в гильдии усеяна ими.

Ноздри покалывало от химического запаха чистящих средств, а глаза слезились. Я сняла перчатки и неоднократно вымыла руки, но все равно не могла избавиться от запаха.

Грейсон прислонился к дверной раме.

– Пообедаешь со мной наверху? Я готовлю неплохой омлет.

Мой желудок заурчал.

Взгляд брата Эмми упал на него, и он улыбнулся.

– Приму это за согласие.

Если бы только все люди могли быть такими приятными, как Грейсон. Но будь они такими, неоперенные лишились бы цели. Я сделала мысленную пометку проверить его счет во время следующего визита в гильдию. Больше из любопытства, чем подозрений, что он скрывает скелеты в шкафу.

– Ты уверен, что Эмми не будет возражать, если я загляну?

– Абсолютно.

Поскольку мне предстояло ее исправить и горячий обед

не помешал бы, я подумала: *почему бы и нет?*

– Разве ты не собирался куда-то утром?

– Вообще-то я хотел принести тебе чистящие средства. – Грейсон потер затылок, пока кожа не покраснела. – Ты меня опередила.

– Очень заботливо с твоей стороны. – Прежде чем закрыть дверь квартиры, я посмотрела в сторону окна. У меня нечего красть, но шел дождь. – Мне закрыть окно?

– В твой внутренний дворик, – даже Грейсон понимал, что это далеко не сад, – можно попасть только через сад жильцов первого этажа, так что все будет в порядке.

Закрывая дверь, не потрудившись запереть ее, я спросила:

– Кто живет наверху?

– Пара пенсионеров. Оба пишут криминальные романы. Очень известные.

Упоминание о криминальных романах разожгло мой интерес. Как удобно иметь под рукой тех, кто хорошо разбирается в криминологии. Конечно, писатели создавали вымысел, но вымысел всегда пропитан реальностью.

– Дама на третьем этаже – арфистка, и у нее *много* кошек.

– Насколько много?

– Больше дюжины. У нее есть коляска для них и все такое. Прошлой весной, когда она сломала бедро, она пыталась уговорить Эмми вывести ее «гордость-и-радость» на прогулку. Эм не захотела, так что в итоге работа досталась мне.

Этот парень – олицетворение доброты. Удивлюсь, если на

его счету грешника есть хотя бы один балл.

Грейсон взглянул на меня, когда мы начали подниматься по второму лестничному пролету.

– Я собрал поразительное количество телефонных номеров во время прогулки с кошками.

С моих губ сорвался смех.

– Моя лучшая подруга обожает животных. Она бы точно дала тебе свой номерок. – Несмотря на то что нам советовали не встречаться, особенно с людьми, большинство неоперенных все равно это делали.

Может, мы и ангелы, но поведение наше ангельским не назовешь.

– А ты? Ты бы дала мне свой?

Я перевела взгляд на его лицо, уловив едва заметный намек на румянец на скулах и носу.

– Чтобы получить возможность поиграть с твоими кошками?

Он провел рукой по челке, румянец стал еще отчетливее.

– Или со мной?

Мое сердце пропустило удар, когда мы достигли площадки Эмми, но не от физической нагрузки.

– Честно? Нет. Я бы не дала тебе свой номер.

Его румянец рассеялся, а блеск в глазах потускнел.

– Но только потому, что я не раздаю номер телефона незнакомцам, даже красавчикам со склонностью к кошачьим прогулкам.

Блеск вернулся.

– Умно.

– Ты позвонил кому-нибудь из тех девушек?

Грейсон открыл дверь Эмми и жестом пригласил меня войти первой.

– У меня тогда была девушка, так что нет. Но я сохранил все номера.

В отличие от тусклой коробки из-под обуви, которую я снимала, квартира Эмми представляла собой светлый прямоугольник с высокими потолками, лепниной, кирпичной стеной, покрашенной в белый цвет, и со встроенной современной кухней. Все со стеклянной ламинацией и нержавеющей сталью. На одной стороне два больших окна выходили на балкон, на противоположной висела тяжелая кремовая бархатная штора, натянутая от стены до стены.

Я покрутилась, рассматривая встроенные потолочные светильники, ряд маленьких стеклянных люстр над узким, но длинным кухонным островком, телевизор с плоским экраном, на котором транслировались легендарные картины, и бордовый подковообразный диван.

– Потрясающее место.

– Эмми украсила его сама. Она изучает дизайн интерьера. – Грейсон повесил коричневую кожаную куртку на настенную вешалку в форме оленьих рогов.

– У нее талант.

– А что изучаешь *ты*?

– Это место. – Я снова повернулась к нему. – А теперь тебя.

Он усмехнулся.

– Я имел в виду в университете. – Грей вновь принялся потирать шею, мои темные глаза, очевидно, заставляли его нервничать.

– Всего понемногу, но больше всего мне по душе социология и боевые искусства.

Он окинул меня взглядом, вероятно в поисках накачанных мышц, которых у меня нет. По крайней мере, не настолько.

– Я сильная, хотя и выгляжу обманчиво. – Поставив сумку на островок, я напрягла бицепсы.

Грейсон одарил меня еще одной улыбкой, когда направился к холодильнику из нержавеющей стали.

– Хорошее дело в нашем мире. Особенно для женщины.

Хотя уровень насилия не взлетал, но он и не уменьшался. Именно поэтому я планировала что-нибудь предпринять, пока еще могла. Кто знает, как будет выглядеть мир через сотню лет? Мне оставалось только надеяться, что он станет лучше, безопаснее, но, пока людьми правят жадность и зависть, насилие будет продолжаться.

– Ты когда-нибудь посещал курсы самообороны, Грейсон?

Он поставил на кухонный островок коробку с яйцами и охапку разноцветных овощей.

– Нет, но я часто поднимаю.

Я предположила, что он имеет в виду тяжести, и бегло изучив его бицепсы, решила, что предположение верно.

– Так скучно.

– Нет, если в это время слушать то, что слушаю я.

– И что же ты слушаешь?

– Тру-крайм-подкасты. Некоторые из них просто леденят душу.

Заинтересовавшись, я присела на один из барных стульев.

– Я подумываю заняться этим же. Кто-нибудь рассказывает о местных преступлениях?

– Несколько. Big Ben Bang неплох. – На футболке проступили бугорки его позвонков, когда он рылся в холодильнике в поисках новых ингредиентов. – Еще можешь послушать High Tea Ladies. Веселая компания.

Пока я просматривала оба канала на телефоне и прокручивала эпизоды, Грейсон выбрал поварской нож с магнитной полосы на стене и начал нарезать все овощи на мелкие кусочки, равномерный стук был единственным звуком в квартире. Он скинул овощи в большую металлическую миску, затем бросил на разделочную доску три зубчика чеснока и раздавил их плоской стороной ножа, после чего разбил яйца в другую миску и взбил их, из-за чего мышцы на его руках напряглись, выгодно почеркнув их.

Я поставила локти на островок и подперла подбородок.

– Где ты научился готовить?

– Я самоучка. Мама работала детской медсестрой в онко-

логическом отделении, пока не встретила отца Эмми. Она трудилась невероятное количество часов, так что оставалось либо постоянно есть тосты с пастой, либо проявлять изобретательность. Я выбрал второй вариант. – Он зажег конфорку под сковородой и влил оливковое масло, затем положил туда чеснок, а потом и остальные овощи. Когда все обжарилось до золотистой корочки, издавая аппетитный запах, он посыпал овощи молотым перцем и влил взбитые яйца, которые с треском и шипением осели бледной паутиной вокруг разноцветных кубиков. – Не представляешь, как она радовалась, возвращаясь домой к горячей еде.

Мое сердце затрепетало.

– У тебя есть какие-нибудь недостатки?

Деревянная лопатка, которой Грейсон приподнимал края омлета, ударилась о сковороду. Он поймал ее, прежде чем та упала на столешницу.

– Разве не у всех они есть?

– У него все зубы кривые, потому что Грей патологически боится стоматологов. – Эмми уперлась рукой в бедро. – Не хочешь просветить меня, почему устраиваешь моему новому жильцу кулинарное шоу?

Кто-то встал не с той ноги.

– Доброе утро, Эмми.

– Скорее дерьмовое. Seriously, почему она сидит на моей кухне?

– Будь милой, – пробормотал Грейсон.

– С чего я должна с ней любезничать? Из-за нее он ушел.

Так ли это? Неужели Адам уехал из Лондона, чтобы скрыться от меня и моей просьбы присоединиться к его команде?

Выражение лица Грейсона помрачнело.

– Потому что Найя не виновата в том, что твой бывший-кретин бросил тебя.

– Она приехала. Они поболтали. А спустя две минуты он заявляет мне, что у нас ничего не выйдет, потому что он не может познакомить меня со своей гребаной семьей? – Прищурившись, она устремила взгляд на меня. – Которую она, очевидно, знает.

– Я знаю родителей Адама, потому что один из его отцов – лучший друг моего папы. Вот и все.

– Отцы? У него их несколько?

Адам действительно не откровенничал о своем наследии.

– Всего два.

– А что насчет матери?

– Очевидно, она у него была, но воспитывали его отцы.

Эмми указала в мою сторону.

– Понимаешь, о чем я говорю, Грей?

– Нет. Не понимаю.

– Мы с Адамом встречались два гребаных месяца, и я понятия об этом не имела.

– И что?

– И то, что мы были вместе два месяца. Я должна была

это знать.

– Он никогда не представлял собой открытую книгу, Эм.

– Я жила с ним.

– Ты говорила, что он буквально жил на чемоданах.

В глазах Эмми промелькнуло что-то, чему я не могла найти объяснения. Гнев? Или разочарование от напоминания о том, насколько временными были их отношения?

– Кроме того, два месяца не такой уж большой срок, – добавил Грейсон.

Она потеряла глаза, задев засохшую тушь и размазывая ее, а затем постучала по своему телефону.

– В стране Грейсона нет, но, в отличие от тебя, я не трачу годы на каждого, с кем встречаюсь.

Воздух наполнился низким гулом и горьким запахом подгоревших бобов.

Пока Эмми подходила к шипящей хромированной кофемашине на столешнице, Грейсон так сосредоточился на сковороде, что между его бровями пролегла бороздка.

– Я не трачу годы на каждую.

Она подняла руку и согнула палец.

– Вэл – два года. Сюзанна – полтора. – Еще один палец опустился. – С той исландской студенткой по обмену, как там ее звали, ты встречался три полных семестра. Ох, и девушка из Польши, которая мне совсем не нравилась, ты был с ней более *трех* лет.

– Во сколько ты начал встречаться? В десять? – не удер-

жавшись, спросила я.

Эмми посмотрела на меня.

– Ты все еще здесь?

Я вдруг пожалела, что не подписалась на Грейсона вместо его враждебной сводной сестры. *«Она не настоящая миссия, просто прикрытие»*, – напомнила я себе. На самом деле мне не нужно проводить с ней время.

– Перестань вести себя как стерва, Эм.

– Ты принимаешь ее сторону?

– Сейчас – да, потому что ты ведешь себя нелепо. Найя не виновата в вашем разрыве. – Он вдруг искоса взглянул на меня. – Верно?

Я подняла ладони.

– Клянусь, я не встречала Адама до прошлой ночи.

– Видишь? – прошипел Грейсон.

– Единственное, что я вижу, – это то, что она все еще сидит на моей чертовой кухне.

Я встала.

– Не уходи. Эммелин Роджерс, извинись за то, что ведешь себя как идиотка.

Она сердито взглянула на брата, потом на меня, затем снова на него.

– Это мой дом, – проворчала она.

– А это мой оmlет. – Грейсон перевел взгляд голубых глаз на меня. – Найя, пожалуйста, останься.

Я уже подходила к входной двери.

– Серьезно, никаких проблем. Что бы ни жарили ранее в пабе, пахло очень вкусно.

Эмми процедила сквозь стиснутые зубы:

– Здесь еда будет лучше, так что, черт бы тебя побрал, оставайся.

Звучало столь же заманчиво, как путешествие по потоку в Абаддон.

– Если ты уйдешь, Грей лишит меня обеда, а мне нужно поесть.

Я сомневалась, что он так поступит.

– Верно. – Будь он ангелом, это стоило бы ему пера, потому что ребенок, который готовил, чтобы заставить маму улыбаться, слишком тактичен, дабы позволить своему настроению диктовать действия.

– Клянусь, все в порядке.

– Пожалуйста, – повторил он, заставив Эмми сменить хмурый взгляд на вопросительно вздернутую бровь.

Не желая устраивать сцену, я вернулась и села, тогда напряжение в его челюсти и плечах ослабло.

Он снял омлет с плиты и выложил его на тарелку.

– После второй чашки она становится более дружелюбной.

– Ой, отвали.

Рот Грейсона изогнулся, обнажив все его кривые зубы. Не то чтобы я осуждала его за это раньше, но теперь, когда знала причину, по которой он никогда не выпрямлял их, я об-

наружила, что это добавляет брату Эмми еще больше очарования. Заметив, что я смотрю на его рот, он закрыл его и потер губы.

– И отвечая на твой предыдущий вопрос: Грей начал действовать в двенадцатилетнем возрасте. – Эмми пихнула его плечом.

Это очень рано. В таком возрасте я даже не видела мальчиков, разве что в одном из одобренных офанимом фильмов, которые мы смотрели на вечерах кино в гильдии. Кости моих крыльев задрожали, и я поняла, что нечаянно – слава Элизиуму, иначе я бы потеряла перо – забыла, где еще я видела мальчика.

На голоранкере.

Рейвен протащила меня в Зал Оценки после того, как получила кости крыльев, и мы бок о бок просматривали систему, попеременно подавляя хихиканье пальцами или краснея до корней волос, когда натыкались на изображения красивых мужчин-грешников.

Конечно, Мира поймала нас и отчитала беднягу Рейвен за то, что та показала мне материалы, не предназначенные для детей. Мира и по сей день опекает меня, что удивляет многих, ведь глава гильдии ни с кем не нянчится.

Я не жаловалась. В то время как большинство неоперенных почти не встречали родителей за два десятилетия жизни в земных общежитиях, я регулярно видела не только их, но и Миру, мою своего рода бабушку.

Грейсон достал из шкафа тарелки, и я встала, чтобы помочь.

– Я справлюсь, Найя.

Я села обратно.

– Еще один недостаток Грея в том, что он слишком милый. – Эмми встряхнула салфетку, заняв место во главе стола, уставленного столовыми приборами, бокалами и тарелками.

Я опустилась на стул рядом с ней.

– Это не недостаток.

– Недостаток, особенно когда превращает тебя в тьюфяка, которым пользуется каждая девушка и ее мать.

Мое желание пообедать в пабе вспыхнуло с новой силой, но один взгляд на понурое лицо и опущенный взгляд Грейсона заставил меня остаться.

Он устроился на стуле напротив меня и сосредоточился на своем золотистом шедевре, разделяя его деревянной лопаткой.

– Хорошо, что я тьюфяк, а то бы ты провела конец своего загула, лежа лицом в собственной блевотине.

Эмми сморщила нос, получив достаточно наказания.

– Я не это имела в виду, Грей. Просто хотела сказать...

– Знаю, что ты хотела сказать.

Она смотрела, как брат наполняет ее тарелку.

– С другой стороны, скоро я на целый месяц перестану тебе надоедать. Представь себе.

Он нахмурился, положил золотистый кусочек на мою тарелку, а затем подал себе.

– Куда ты едешь?

– В Венесуэлу.

Он немного резко опустил блюдо.

– Ты шутишь?

– Нет. – Эмми отправила в рот кусочек омлета. – Некоторое время назад меня пригласили принять участие в гуманитарной миссии. Я отказалась из-за стажировки. И Адама.

– Пригласили... Кого приглашают в гуманитарную миссию? Ты подписались на это? И что именно ты будешь делать в Венесуэле?

– Кормить обездоленных. Строить дома для бедняков.

– *В Венесуэле?* Президентской республике, ставшей королевством? – Грейсон схватил вилку, но так и держал ее над омлетом, слишком потрясенный, чтобы копаться в еде.

– Англия тоже королевство.

– Нашей страной не правит кровожадный тиран, Эм, – прорычал он. – Твой отец в курсе?

– Пока нет, но представь, как он будет горд, когда узнает, что его жалкая дочь получила приглашение от прославленного фонда «Круг»?

Он отложил вилку, и она звякнула.

– Ты надо мной прикалываешься?

– Нет.

Грейсон откинулся на спинку стула.

– Фонд «Круг» случайно написал тебе по электронной почте, чтобы отправить в Венесуэлу?

Она передала свой телефон сводному брату.

– Не случайно. Меня порекомендовали.

Пока он читал, его брови сдвинулись к центру переносицы.

– Кто? Здесь ничего не сказано.

– Какое вообще имеет значение, кто меня порекомендовал, Грей? Ты думаешь, я недостаточно хороша, чтобы оказывать помощь?

– Я никогда этого не говорил. Просто считаю, что это странно, когда тебя приглашают на гуманитарную миссию. Люди обычно сам подписываются на них.

Эмми распиливала омлет.

– А *ты* находишь это странным, Найя?

– Немного. Особенно если ты не проявляла заинтересованность. Как они узнали адрес твоей электронной почты?

– Через профиль в социальных сетях. Судя по всему, я подхожу под критерии миссии.

– Какие? – спросила я.

– Девушка, не замужем, детей нет, студенческий возраст.

– Откажи им, – потребовал Грейсон.

– Я уже согласилась.

– Эммелин... – зарычал он. – Я звоню твоему отцу. – Он начал пролистывать список ее контактов.

Она выхватила свой телефон.

– Я *хочу* поехать! Мне нужно выбраться из Лондона и сделать что-то полезное.

– Ты делаешь много полезных вещей здесь.

– Например? – спросила она, стиснув зубы.

– Например... Я не знаю, – он поднял одну руку вверх, – твоя стажировка по декору интерьера.

– Я не изучаю там ничего такого, чего бы еще не знала.

– Эм, Венесуэла коррумпирована и является одной из самых жестоких стран в Южной Америке. А фонд «Круг»... Ну тебе известно, что я о них думаю. – Грейсон толкнул небольшую кучку блестящих овощей.

– Знаю, и я с тобой не согласна. Не думаю, что их благотворительные фонды служат прикрытием для гнусных дел.

Взгляд Грейсона стал такими же мрачными, как небо за окном.

– Ты ведешь себя невероятно эгоистично.

– Мне кажется, Грей, ты перепутал понятия бескорыстия и эгоизма.

Он пошевелил челюстью из стороны в сторону.

– Когда ты уезжаешь?

– В понедельник.

– Поне... – пробормотал Грейсон. – Завтра?

– Нет. На следующей неделе.

Напряжение сводных брата и сестры витало в воздухе так же отчетливо, как и их хмурые взгляды.

Чтобы разрядить обстановку, я спросила:

– Итак, Грейсон, откуда у тебя страх перед стоматологами?

Он вздохнул, вопрос медленно сдул тень с его лица, а затем и с лица Эмми. Пока он рассказывал мне историю о том, как дантист по ошибке удалил один из его коренных зубов, я думала о преждевременном отъезде Эмми и о том, что это означает для моей миссии.

Она служила мне прикрытием. Если я хотела действовать из Лондона, мне понадобится новое.

Грейсон... Я могла бы подписаться на него.

Но потом на эту мысль наложилась другая: я приехала сюда, чтобы стать хранителем. Если теневая организация управляет Эмми в опасную монархию, разве не должна я следовать за ней, чтобы обеспечить ее безопасность?

Глава 6

Найя

– Они причудливые, – сказала я маме, сидя со скрещенными ногами на кровати и вытирая полотенцем волосы, которые все еще были влажными после обжигающего душа, – его я приняла сразу, как вернулась домой из гильдии.

Я погрузилась под горячую струю, пытаюсь унять беспокойство, зародившееся во мне после изучения голоранкера, но, подобно чайному пакетику, оставленному завариваться слишком долго, горячая вода только углубила мои выводы и ухудшила настроение.

– Покажешь мне? – Голос матери вырвал меня из кипящих мыслей.

Несмотря на то что она настаивала, будто *ара* – самый беспокойный человек, она тревожилась больше него. Возможно, потому, что ей не разрешалось выходить из гильдии, чтобы навестить меня, в отличие от отца, который мог приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. И не потому, что он один из Семи, а по той причине, что он уже провел необходимое столетие вдали от мира людей.

Я записала видео студии, обязательно убедившись, что засняла серо-зеленую точку, которую Эмми называла садом, и загрузила его в наш чат.

– Думаю, «причудливость» – не лучшее слово, чтобы описать твою новую берлогу, Звездный Свет.

– Мою новую берлогу? – фыркнула я. – Из какого ты века, *ата*?

– Из того же, что и ты.

– Думаешь, отец знает это слово?

Мама рассмеялась.

– Я спрошу. А еще лучше, спроси у него сама. Он планирует пригласить тебя сегодня на ужин, только тсс. Это сюрприз.

Я села так быстро, что закружилась голова.

– Он планирует забрать меня от Эмми?

– Думаю, да. У тебя были другие планы?

– Нет. Никаких планов.

– Притворись удивленной, хорошо? – С ее стороны раздался легкий шелест, затем ворчание. – Да, да, иду, Мира. Мне пора, *levsheh*. Мира хочет обсудить картину Арден. Она считает, что рисунок слишком мрачный и темный для шестилетнего ребенка и указывает на скрытую травму.

Я попыталась представить себе щербатую дочь Евы, размазывающую черную краску по холсту. Хотя Арден обладала довольно сильным характером, как и ее мать и бабушка-архангел, она была удивительно отзывчивым ребенком.

Когда этого хотела.

Хотя, возможно, это просто мое субъективное мнение. Арден яростно защищала мою младшую сестру, поэтому она

автоматически мне нравилась. Мне также по душе ее мать, которая привозила мне подарки из Элизиума на каждый день рождения – как правило, замысловатые платья, которые сложно носить вне гильдий, потому что они формальные и прозрачные. Ева заверила меня, что я смогу пронести их через поток, поскольку они сделаны в Элизиуме, и у меня будет много поводов надеть их там. Ангелы обожают наряжаться, и чем больше блеска, тем лучше.

В отличие от Евы Сераф Клэр никогда не присутствовала ни на одном моем дне рождения – впрочем, с чего бы? – или на дне рождения своей внучки – что расстраивало малышку. Но, опять же, большинство ангелов не благословлены дружной семьей.

Поговорив с мамой, я изучила сайт фонда «Круг», затем нашла семью, которая им управляла – Данморов, – и пролистала все статьи, когда-либо опубликованные об этом заботливом, прославленном роде. Учитывая количество денег, которые они, очевидно, тратили на благотворительность, их показатели грехов должны были быть однозначными, но вся семья – Сьюзен, Джеймс и двое взрослых сыновей – была, как и подозревал Грейсон, коррумпирована до мозга костей.

Показатель матери – 62, а ее грех: основательница фонда «Круг».

У отца 47 баллов. Его грех: поставщик фонда «Круг».

Старший сын, Генри, заработал 53 балла, грех: финансист фонда «Круг».

Но именно младший сын, Робби, имел самый тревожный рейтинг: 100. Его грех: сборщик фонда «Круг».

Так двусмысленно...

Однажды *ата* рассказала мне, что попала в лапы мясника, чей грех был обозначен как «адвокат». Я спросила *ара*, почему оценщики не могут просто четко описать проступки. Вздыхнув, он ответил, что это сделано для того, чтобы защитить нас от ужасов, совершаемых некоторыми людьми, а затем поцеловал меня в лоб и ушел, держа на руках мою непоседливую маленькую сестренку.

Я не понимала, как это нас защищает. Если уж на то пошло, так мы только становились более уязвимыми. Незнание порождало разочарование, а не блаженство. Лично я предпочитала знать дьявола в лицо, чем представлять его во всех вокруг. И да, дьявола не существует, но это лучше всего доносило мою мысль, когда я жаловалась маме на вводящую в заблуждение терминологию.

Она разделяла мое мнение и сказала, что, как только я вознесусь, мы с ней сможем отправиться на миссию по изменению законодательной базы ишимов, или, как она выразилась, *перетряхнуть все в старом добром ангельском логове*, но только когда я вознесусь.

Мне было интересно, как она отреагирует, узнав, что Иш Дов уже пытается это сделать. Я обещала ему не упоминать его в разговорах с родителями, не произносить его имени и даже не спрашивать, знают ли они его, но я не могла пред-

ставить, чтобы родные не испытали сочувствия к его судьбе. Если уж на то пошло, я готова поспорить, что они предложат ему поддержку со стороны Элизиума, в которой он так нуждался, ведь их идеалы совпадают.

Но опять же я дала ему обещание, а я верна своему слову.

Вновь сосредоточившись на своем расследовании, я пыталась понять, что такого ужасного в этом фонде. Какие темные и жуткие вещи совершал за кулисами двадцатисемилетний Тройка? Нанимал киллеров? Отмывал деньги? Торговал наркотиками? Управлял проституцией?

Перечисляя обычные преступления, за которые люди получали столь высокие баллы, я запнулась на последнем.

Фонд «Круг» недавно стал обращаться к молодым и незамужним женщинам. Может ли это быть причиной?

Нет... это не имело смысла.

Обычно крали тех девушек, о пропаже которых никто не заявлял, или тех, чьи поиски прекращали из-за отсутствия средств. Забирать таких, как Эмми, бессмысленно. Особенно вывозить их из богатой страны и отправлять в бедную.

Что заставило меня задуматься: мог ли этот фонд действительно заниматься благотворительностью? Даже будучи ребенком, я верила, что не все Тройки – монстры. Точно так же как верила, что нефилимы, паршивые овцы нашего вида и бескрылые обладатели ангельской крови, не являются злом по своей сути.

Я достала радужный дневник и блестящую ручку, кото-

рую Лайла подарила мне на день рождения, и записала список благотворительных организаций, которые финансировали Данморы. Когда я дошла до пункта о программе помощи Венесуэле, отложила ручку и кликнула, чтобы открыть сайт. Появилась шикарная страничка со ссылкой на онлайн-анкету, где написано «ЗАКРЫТО – 50/50».

50 из 50. Это то количество девушек, которое они принимали? И если все места заняты, как мне тогда попасть к ним?

Глупенькая.

Я не могла записаться без удостоверения личности или паспорта. Мне придется отправиться в тот город или поселок, куда они улетят, и, встретившись с Эмми, рассказать ей правду: что я волновалась и следила за ней. Если только не буду охранять ее издалека. Могу ли я стать настолько незаметной?

Я вернулась к подборке информации, изучая людей, стоящих за фондом.

Сьюзен и Джеймс жили в поместье на окраине города с пятью кокер-спаниелями, старшим сыном и его женой. Младший сын, Тройка, обосновался в квартире в Лондоне со своими фаворитками дня – все модели, судя по виду.

Просматривая фотографии Робби, я заметила, что его часто фотографировали в одном и том же частном клубе, который назывался *Jardin Japonais*. Причина, по которой он часто там бывал, выяснилась на следующей странице результатов: он совладелец этого заведения.

Я грызла кончик ручки, взвешивая все «за» и «против» того, чтобы отправиться туда и допросить его о поездке в Венесуэлу. Как именно мне это сделать? Сомневаюсь, что его порадует вопрос: «Здравствуйте, мистер Данмор, ваша поездка законна или вы планируете совершить ужасные вещи с этими бедными девушками?» Скорее всего, меня вышвырнут или похитят и подвергнут перекрестному допросу.

Но...

Но я могла бы задать вопросы персоналу. Быть может, кто-нибудь просветил бы меня, что происходит в этой семье. Люди всегда охотно делятся сплетнями.

Или я могла бы просто спросить маму. Сказать ей, что мой грешник связался с этой семьей. Но это бы сразу дошло до отца, и он немедленно отозвал бы меня с миссии, не желая видеть дочь рядом с преступниками.

Ара!

Я отбросила телефон и журнал в сторону и оделась для ужина-сюрприза. Натянув поношенные джинсы и красный свитер макового оттенка, вытерла влажные волосы полотенцем. Рейвен бы расстроилась, потому что, по словам моей лучшей подруги, у которой по иронии судьбы самые гладкие и прямые волосы в истории кератина, волнистые локоны нужно сушить на воздухе с тоннами сыворотки и без растирания.

В окне мелькнула тень, и я подпрыгнула, полотенце выскользнуло из пальцев и упало возле ног. Приложив ладонь к

груди, я наблюдала, как огромные бирюзовые крылья складываются за спиной, настолько массивной, что она занимала всю ширину моего внутреннего двора.

Я уже собиралась открыть стеклянную дверь, чтобы впустить его, когда увидела свой лежащий на виду дневник. Я схватила полотенце с пола и бросила его на листы бумаги, а затем впустила своего «огромнее-чем-вся-жизнь» отца в крошечный дом.

– *Ара!*

Он окинул взглядом помещение, затем снова огляделся, словно надеясь, что что-то пропустил – возможно, дополнительную спальню.

– Твоя мама упоминала, что место, где ты остановилась, довольно уютное. – Он нахмурился. – Уютное, как тюремная камера, вот как это называется.

Я ухмыльнулась.

– Не знала, что ты знаком с размерами тюремных камер.

Взгляд отца наконец-то остановился на мне, и легкая улыбка стерла его хмурый вид.

– Возможно, я провел несколько ночей в одной из них, когда был неоперенным.

– Что? А я-то считала тебя вечно добродетельным и законопослушным.

Когда тень омрачила его взгляд, я подумала, не обидели ли его мои слова.

Я наклонила голову, и мои полусухие кудри разметались

по лицу.

– Ты расскажешь мне об этом за ужином?

Отец сделал глубокий выдох, который развеял тень.

– Откуда ты знаешь, что я приглашаю тебя на ужин?

– Мама могла проболтаться.

Его улыбка вернулась, сверкнув лучезарным отмищением.

– Ах, твоя мать и хранение секретов...

Она в этом ужасна. Практически так же, как и Рейвен.

– Итак, куда мы идем? – Я почти предложила *Jardin Japonais*, чтобы осмотреться, но подумала, что было бы не очень разумно появляться там с мужчиной под два метра ростом, который выглядел так, будто мог сделать жим лежа Биг-Беном.

– Пойдем. Это сюрприз.

– Мы полетим или пойдем пешком?

Ара бросил взгляд через плечо на унылую погоду.

– Определенно не пешком. Почему ты снова выбрала Лондон?

– Ради нового опыта. – Мой пульс участился, а крылья затрепетали, словно собираясь выпустить перо. – *Ама* говорит, что я должна насладиться всем, что может предложить мир людей, прежде чем меня загонят в Элизиум.

– Только давай не будем перебарщивать с человеческим опытом, хорошо, *kalkohav*? Когда завершишь крылья, у тебя будет бессчетное количество времени для знакомства с миром.

Я вздохнула.

– Ты имеешь в виду с Элизиумом.

– Поначалу да, но ты вернешься сюда скорее, чем успеешь осознать.

– Сто лет – совсем не скоро, *ара*. Если только ты не работаешь над изменением закона, чтобы мы могли вернуться на Землю раньше, и...

– Когда ты получишь свои крылья.

– Ох, ангелы, вы с мамой твердите это как заезженная пластинка, – закатила глаза я. – Какая разница, внизу я или наверху?

Он сглотнул.

– Когда я перестану беспокоиться о тебе, то смогу сосредоточиться на нашем законодательстве.

– Когда перестанешь беспокоиться обо мне, тебе придется беспокоиться о Лайле.

Он уставился на меня, но его взгляд был расфокусирован, будто он смотрел сквозь меня. Однако потом отец моргнул, и его взгляд вновь прояснился.

– Ты забываешь, что у меня будет несколько лет передышки между твоим вознесением и ее отправлением в большой мир.

В животе у меня заурчало, отчего выражение его лица смягчилось.

– Давай покормим тебя, Звездный Свет. Есть пожелания?

– Я слышала, что эта страна славится своими пудингами.

Ара разразился звонким смехом, от которого мир становился лучше.

– Какая же ты сладкоежка.

– Эй... Ты сам сотворил меня такой.

Его смех затих.

– Верно, я.

– Да. Именно. Теперь о тех пудингах... – Я схватила куртку мамы, которая наконец-то высохла после моего похода в продуктовый магазин. – Знаешь подходящее место или мне поискать?

Ара обнял меня за плечи.

– Я знаю идеальное место.

Глава 7

Адам

Ангельский факт #72

Если не стремишься попасть в Абаддон, сократи грехи.

Обливаясь потом, я бил кулаками и ногами по черной кожаной боксерской груше. Занимался этим с самого рассвета. Пока все члены моей команды спали, измотанные ночным наблюдением, я встретился с Довом в кишашей винилом круглосуточной закусочной, чтобы обсудить Найю. Он заявил, что она отличный кандидат и что зря я отказался от нее. Его слова побудили меня вернуться в спортзал еще более напряженным и взбешенным, чем до нашей встречи.

– Что у тебя на уме? Или скорее *кто*? – донесся до меня голос Ноа от двухстворчатого входа в домашний спортзал. – Может, некая чернокрылая неоперенная? – Друг издевался с того самого момента, когда я высадился в Чикагском потоке и мы вместе добрались до дома.

Я бросил на него укоризненный взгляд, чем только вызвал его улыбку.

– Ни разу не вспоминал о ней с тех пор, как уехал из Лондона. – Я зашипел, когда перо выпало из моих крыльев. Прекрасно, наследница серафима маячила у меня на уме, приклеившись, как дешевая переводная картинка. – Почему те-

бе обязательно нужно было рассказывать ей о нашей деятельности?

– Она загнала меня в угол, чувак. Смотрела на меня своими очень напряженными глазами. Напугала до чертиков.

Закатив на Ноа глаза, я набросился на грушу с кулаками.

– Она невысокая блондинка и краснеет сильнее, чем половозрелый подросток на церемонии вручения крыльев. Она может быть кем угодной, но устрашающей ее не назовешь.

– Все потому, что ты ничего не боишься.

– Чего бояться, когда ты бессмертен?

– Мы еще не бессмертны, Адам.

– Технически бессмертны. По крайней мере на ближайшие шесть лет.

Мы с Ноа получили кости крыльев в четырнадцать, с разницей ровно в месяц. К тому времени, как у него проросло третье розовое перо, у меня появилось первое черное, цвет которого шокировал всех, кроме отцов. Поскольку Найя обрела крылья за год до меня, они знали, чего ожидать. В конце концов, мы с ней оба родились от внебрачных связей.

– Во сколько вы с Галиной вернулись из морга прошлой ночью? – Ноа сложил свои пастельные крылья с золотыми кончиками. Пучки его пятисот с лишним перьев торчали во круг плеч, обрамляя смуглое лицо, как та шапочка для душа, которую Галина достала из ванной наверху и надела в первую ночь нашего воссоединения.

Она пыталась компенсировать нервную энергию, исходя-

щую от всех нас, и, хотя зрелище того, как она поглощает пищу, надев на себя эту отвратительную вещицу, было забавным, оно мало помогло отвлечься от мыслей о серийном убийце.

– Поздно. – Половицы дома в стиле прерий скрипели под поролоновыми матами, как мой скелет во время последнего визита к мануальному терапевту. – Вы с Леви закончили составлять список чикагских Троек для Дова? – Моя кожа горела в тех местах, где потрескалась, заставляя сожалеть о том, что я не надел перчатки для спарринга, которые подарили мне отцы, огорченные постоянным видом моих разбитых костяшек.

– Закончим сегодня днем. Их *много*.

Я похлопал по груше, чтобы придать ей устойчивость.

– О каком количестве идет речь?

– Больше тысячи. После завтрака мы с Буном собирались отправиться в гильдию, чтобы завершить список, а затем прогнать его через новую программу Леви по перекрестной проверке.

Самый младший в нашей команде, пятнадцатилетний технический гений, сумел подключиться к отчетам ведущего следователя о первых трех убийствах и проанализировать все улики, дабы сузить круг неизвестных по возрасту и физическим характеристикам, чего не смог добиться даже наш вознесенный наставник с помощью своих чудесных небесных инструментов. Очевидно, система ранжирования в Эли-

зиуме такая же простая, как и у нас.

– Преступник уже оставил «визитную карточку»? – Социопаты обычно жаждали признания и «подписывали» свои убийства.

– Кроме надрезов в форме слез и отрубленных... нижних частей? – Ноа вздрогнул, будто его причиндали на кону. – Ты ждешь, что он подпишет свое имя кровью на месте преступления?

– Почему ты говоришь «он»?

– Ну может, и «она», но парни, которых убил преступник, огромны. – Ноа приподнял бровь, когда я подошел к фонтанчику с водой, чтобы попить. – Ты думаешь, мы имеем дело с серийной убийцей – женщиной?

– Возможно. В конце концов, у жертв отрублены члены.

Ноа тяжело вздохнул, затем сжал ладонью пах, вероятно чтобы напомнить себе, что все на месте.

Пока тяжелая кожаная боксерская груша раскачивалась, звеня цепью в тишине зала, я смял стаканчик и выбросил его в мусорное ведро.

– Ты упомянул завтрак. Я выбираю яйца. Омлет.

– Готовь яйца сам.

– Никто не делает их лучше тебя.

Ноа вздохнул, не в силах противостоять комплиентам по поводу его кулинарных навыков.

– Ладно.

– Приготовь побольше. – Я направился вверх по широ-

кой лестнице, которая казалась вырезанной из цельного куска красного дерева. – Мне нужно подкрепиться, прежде чем пойду на встречу с моим грешником.

– Как ее зовут?

– Энтони.

Ноа вздрогнул, отчего задрожали золотистые кончики его перьев.

– Энтони? Ты выбрал грешника-*мужчину*?

– Ага. А что?

– А то, что ты никогда не выбирал мужчин.

Я пожал плечами.

– Самое время начать.

– Это не связано с Найей?

– Почему это должно быть связано?

– О чем вы двое болтаете в половину, во имя оперенья, десятого утра? – спросила Галина, громко зевая. Она стояла прямо перед дверью спальни, раскинув крылья и руки в стороны так, что искусно разорванная майка задралась, показав рельефный живот.

У русской девятнадцатилетней новенькой пресс лучше, чем у Ноа и Буна, вместе взятых. Возможно, потому, что она занималась спортом так же религиозно, как ортодоксальная еврейка, которую я исправил в прошлом году, отучив от посещения местного казино.

– Адам подписался на парня, – самодовольно заявил Ноа, будто он каким-то образом обыграл меня, поделившись но-

востями.

– Вот черт, – скривив губы, она сложила крылья. – Потянуло на эксперименты?

– Боже... Я не сплю со *всеми* своими грешниками.

– Позволю не согласиться, мистер Грешниколюб. – Галина покрутила бриллиантовую шпильку в носу.

– Ну, я не готов отвлекаться, пока мы не закроем это дело.

– Ты многое теряешь, дорогой. Дамы этого города восхитительны, особенно неприличные. – Галина щелкнула шеей.

– И это я еще Грешниколюб, – пробормотал я, исчезая в спальне и пинком закрывая дверь. На моей двуспальной кровати царил беспорядок. Я дважды взмахнул пледом, взбил подушки, а затем запихнул всю грязную одежду в сумку, с которой приехал из Лондона.

В доме стояла стиральная машина и сушилка, но ничто не сравнится с небесными корзинами, а поскольку Ноа собирался в гильдию, то мог закинуть туда мою одежду, сумку и все остальное.

Приняв горячий душ, во время которого изо всех сил старался выкинуть Найю из головы, я спустился на кухню, напминавшую амбар, где все сделано из дерева, за исключением кухонных приборов и стеклянных светильников, и поднял свою сумку.

– Есть шанс, что ты сможешь закинуть мое белье в корзину гильдии, когда будешь там позже?

Ноа поднял глаза от теста, которое выкладывал на сковоро-

родку, затем кивнул в сторону двери, ведущей в гараж.

– Просто оставь ее там.

Сделав это, я занял место напротив Галины и положил в тарелку яичницу.

– Напомни, как ты нашла это место?

– Помогла одной женщине избавиться от продажного финансового консультанта, на которого я подписалась. Она почувствовала себя в долгу и одолжила мне свой второй дом на время, пока я в нем нуждаюсь. – Галина потягивала свой любимый напиток – зеленый чай. Как кто-то может пить то, что воняет грязными носками, – выше моего понимания.

Я изучал стеллажи, заставленные аккуратными стопками кулинарных книг, которые явно стояли там для украшения, учитывая, насколько безупречно они все выглядели.

– Она ведь не заглянет в гости?

– Нет. Она путешествует по Таити на своей яхте.

– Звучит неплохо. Мне следовало подписаться на нее. – Ноа поставил тарелку с блинами на стол, вырезанный из огромного ствола.

– Ты все еще можешь, – заметил я.

Ноа покачал головой.

– Перестань пытаться избавиться от меня.

Иногда мне действительно хотелось, чтобы он все бросил, но парень упрям.

– Происходящее может принять опасный поворот. Мы имеем дело с серийным убийцей, который равнодушен к

высоким мужчинам с коротко стриженными волосами. Не хотелось бы, чтобы кто-то вырезал слезы на твоих прекрасных скулах или отрезал твои фамильные драгоценности.

– Высокие *человеческие* мужчины, которые носили короткие стрижки еще в колледже. Не говоря уже о том, что всем им за тридцать. – Он помешивал что-то в большой кастрюле. По запаху я догадался, что там жареная фасоль. – Кроме того, мне нравится моя новая кухня.

– А мне нравишься ты на новой кухне. Такой домашний и милый. – Галина подула на чай, посылая в мою сторону гадкие травяные пары. – Мы должны купить ему фартук. Чтобы были оборочки. Может, даже немного кружева. И обязательно розовый, в тон его крыльям.

За язвительность в нее прилетела полоска бекона.

Галина зашипела.

– Как низко, Ноа. Нападать на вегана продуктами животного происхождения. Я удивлена, что ты не потерял одно из своих милых перышек за атаку.

Ноа сжал пальцы в кулак и щелкнул запястьем в сторону Галины – жест, демонстрирующий непристойность, напоминавший поднятый указательный палец Найи.

Нет.

Никаких мыслей о Найе.

Я съел яичницу, затем нанизал на шпажку несколько блинчиков и полил их кленовым сиропом.

Галина поставила одну согнутую ногу на скамейку, чтобы

опереться рукой на колено.

– Ты только что подсластил блины? Мне казалось, ты ненавидишь сладкое.

Так и есть. Я не любил сладкую еду. Сладких людей. Сладкие запахи. Все, что наверняка обожала Найя. Я сжал виски. Черт побери, ведь надеялся перестать о ней думать, а не наоборот.

Обжигающий укол заставил мои лопатки сжаться.

Галина проследила за падением черного пера.

– Что за гнилое настроение?

– Он весь на взводе из-за Найи, – объяснил Ноа.

Я вытер липкий рот уголком салфетки.

– Нет. – Упало еще одно перо. Зарывав, я встал, схватил свою тарелку и поставил ее в раковину. – Я ухожу на встречу с грешником, но вернусь к ужину. Все еще планируешь столкнуться со старшим следователем, Джи?

Она кивнула.

– Я запомнила его маршрут. – Она постучала себя по виску, вставая и огибая стол. – Давай посмотрим, чем занимался Адам, когда заработал это перо.

У Галины страсть к подбору случайных перьев и просмотру воспоминаний, заложенных в стержнях. В детстве она ходила по своей гильдии, подбирая перышки, чтобы собрать сведения о своих товарищах по гильдии. Ее страсть к накоплению информации помогла ей стать отличным профайлером и занозой в моей заднице, потому что она узнала

обо мне слишком много с тех пор, как Дов направил ее в Бангкок восемнадцать месяцев назад, дабы присоединиться к моей команде из двух человек. Хотя я старался не впутывать Ноа, он сам вмешался, потому что... имел проблемы с привязанностью.

В прошлом году к нашей скромной команде присоединились братья из Голландии, истинные неоперенные, Леви и Бун. Сначала Леви, который стал предан мне после того, как мы взялись исправлять двух грешников из одной семьи в Амстердаме, в первый год его путешествий по миру. Его грешница оказалась не очень покладистой, пока мы с ней не обсудили ее пристрастие к запрещенным веществам и то, как она их финансирует средствами из кошельков родителей. Тогда она стала податливой.

С Буном я познакомился пару недель спустя, когда тот разыскал меня, чтобы выразить благодарность за помощь его младшему брату.

Как получилось, что они стали хранителями? Оказалось, что Леви – тот еще проныра. Он поймал меня, когда я обсуждал с Довом по телефону банду мотоциклистов, которую я пытался прижать. Парню стало любопытно, он покопался и в итоге раскрыл мое дело. Затем начал шантажировать меня, чтобы я принял его в команду. За шантаж он потерял перо, но заслужил свое место. А потом он ошеломил меня, пригласив к нам Буна.

Я не испытывал радости.

И до сих пор не испытываю.

Дов напомнил мне, что необходимо расширять команду, но он не только вознесенный, но еще и чистейший истинный, а значит, имел больше привилегий, чем гибриды-неоперенные.

Когда я вышел в яркий чикагский день, входная дверь дома распахнулась, и раскрасневшийся Леви, который, казалось, за ночь приобрел дополнительные три дюйма благодаря удару головой об изголовье, выскочил наружу, балансируя планшетом на раскрытых ладонях.

– Адам, стой! – Он дышал тяжелее, чем те двое мускулистых русских, что гнались за нами по десяти лестничным пролетам с заряженными автоматами в Москве. – Ты должен это... увидеть! – Хотя все то время, которое он проводил перед экранами, приносило много пользы, ему серьезно нужно заняться кардио.

Я вернулся, подходя к Леви.

– Мне удалось обнаружить связь... между... жертвами.

Мой взгляд переместился с его пухлых щек на веснушчатое лицо девочки-подростка с пронзительными голубыми глазами.

– Кто это?

– Фелисити Голд. Покончила жизнь самоубийством... двенадцать лет назад... в пятнадцатилетнем возрасте.

Самоубийство...

Самоубийство означало, что малахим не собрал ее душу.

Самоубийство означало настоящую смерть – не только тела, но и души.

Я не отводил взгляда от этих сверкающих голубых глаз, полных жизни, оборвавшейся навеки.

– Что подтолкнуло ее к самоубийству?

Леви поморщился.

– Ее изнасиловали.

– Мужчины, которых убили?

– Да.

Хотя я стоял под ярким солнечным светом, по спине пробежал холодок, распространившись по всему телу. Значит, мы имели дело не с аморальным убийцей. Мы столкнулись с тем, кто жаждет мести.

Перед глазами мелькнули изуродованные тела трех мужчин. То, что раньше вызывало жалость, теперь вызывало лишь отвращение. Как мой народ мог позволить людям избегать наказания за изнасилование? Как они могли допустить, чтобы невинные гнили, а преступники процветали? Как могли ишимы верить судьбы душ весам, выверенным еще в античности?

Мои крылья задрожали, напоминая мне не критиковать систему, но, ангелы, я в такой ярости. Может, мне все-таки стоило взять Найю в нашу команду? Возможно, если бы дочь серафима примкнула к нам, я бы смог убедить Дова ввести Ашера в нашу тайную организацию. Под руководством и защитой одного из Семи мы смогли бы направить всю энергию

на охрану людей, а не нашего секрета.

Во мне бурлила злость.

– Это все меняет.

Мне плевать, что преступники, вероятно, набрали огромный балл за свой мерзкий поступок, они подтолкнули девушку к последнему шагу, и, в свою очередь, к последнему вздоху ее души. Не говоря уже о том, что счет первых трех жертв был двузначным, что означало: их душам позволят вернуться на земную карусель.

– Сколько мужчин ее изнасиловали?

– В отчете, посмертно поданном родителями Фелисити, говорится о шести.

– Имена названы?

– У двух – да. Четверо – неизвестные. Трое, которых убили, не были названы.

Итак, наш преступник знает личность каждого насильника...

Бун, Ноа и Галина появились позади Леви, их лица выражали разную степень мрачности.

Бун провел рукой по каштановым волосам длиной до плеч, все еще спутанным после сна.

– Полагаю, наше расследование провалилось и мы все разойдемся каждый своей дорогой? – Его непоколебимое разочарование отразилось в выражениях остальных.

– Нет, – сказал я.

Карие глаза Буна расширились.

– Ты хочешь, чтобы мы продолжали копать?

Я кивнул.

– Но мы меняем сторону. Достань мне семейное древо Фелисити Голд. Ищем кровного родственника, который был ребенком во время ее самоубийства.

Ноа склонил голову набок.

– Ребенком?

– Потому что убийства происходят спустя более десяти лет после преступления, – ответила Галина, будучи всегда на одной волне со мной.

Ноа выпрямился.

– Взрослый тоже мог выждать десять лет. Взять время на планирование.

– Ты прав, – согласился я.

Он моргнул.

– Я... правда?

– Мы не должны упускать из виду старших родственников, хотя я все еще думаю, что более вероятно, что наш субъект молод. Нам также нужно выяснить, с кем дружила Фелисити на момент смерти. А затем пропустить все имена через голоранкер и проверить, нет ли всплеска показателей. Так сможем установить личность нашего убийцы-мстителя.

– Что будем делать, когда узнаем его или ее личность? – Солнце отразилось от украшений на лице Галины.

– Мы найдем нашего мстителя и поможем ему завершить работу.

Бун охнул.

– Дов никогда не поддержит этот план.

Галина, которая перебирала маленькие колечки, продетые в ухо, замерла.

– Бун прав. Умышленное убийство будет стоить нам крыльев.

– Никто никого не убивает. Мы просто прикроем задницу нашего субъекта, пока он не закончит. А потом один из нас подпишется на него, чтобы помочь искупить *грех*, дабы его душа не погибла, как у Фелисити Голд.

– Дову не понравится... – У Буна хватило ума замолчать.

– Дов назначил меня главным в этой команде. Если вы недовольны тем, как я веду дела, то можете уйти.

Все они остались.

Глава 8

Найя

Я никогда не была тихоней, по крайней мере, так мне казалось, пока не провела время со своей грешницей, хозяйкой квартиры. Не уверена, повлияло ли волнение по поводу предстоящего отъезда или она всегда была такой, но девушка умела болтать. Без умолку.

Как Адам выдерживал *целые дни* в обществе Мисс Болтушки? От этой мысли у меня затрещали кости крыльев.

Просто наблюдение, Иш. Я воздела глаза к потолку, словно там можно увидеть элизианские весы, взвешивающие наши ангельские души.

Чудесным образом ишим отступил, но неприятное показывание осталось, напоминая, что нужно быть более сострадательной. Но насколько еще сострадательнее я могла быть? Эмми часами пыталась понять, где она ошиблась в отношениях с Адамом, почему он ушел, почему она недостаточно хороша, чтобы встретиться с его родителями.

Я не совсем понимала, почему последняя часть так ее озадачила. Все дело было в связи душ. Будь моя *ата* мужчиной, *ара* любил бы ее так же страстно.

— Знаешь, говорят, что для того, чтобы забыть кого-то, нужна половина того срока, что вы были вместе? Так вот, мы

с Адамом встречались один месяц и двадцать девять дней.

Ох, я знаю.

– И я уже забыла этого напыщенного подонка. – Эмми сняла обертку с третьего кекса.

Грейсон испек их вчера в последней попытке отговорить сестру от вступления в число «Девушек Круга» – так пресса назвала группу, отправляющуюся в Венесуэлу, – но его пышный инструмент переговоров не поколебал упрямую Эмми.

С набитым ртом она добавила:

– Даже не скучаю по нему. Ни капельки. – Она слизнула глазурь с кончиков пальцев, а затем доела остатки кекса. – Ох, я изучала Венесуэлу, и мужчины там, – она покачала бровями, – они *горячие*, с заглавной буквы. Особенно принц. У него такая повязка на глазу, что придает ему еще больше сексуальности. Жаль, что программа переполнена, иначе я бы попыталась включить тебя в список.

Я скомкала обертку в горошек.

– Может, я смогу прилететь и присоединиться за свой счет.

Она приподняла брови.

– У тебя есть на это средства?

– Да.

– Я так понимаю, твой отец не только лакомый кусочек, но еще и при деньгах?

Обертка в горошек между сжатыми пальцами не превышала размер элизианской жемчужины.

– Лакомый кусочек?

– Ну знаешь, папочка, с которым я бы...

– Я поняла, Эмми. – Мне захотелось отписаться от нее прямо здесь и сейчас, потому что есть границы, которые никогда не следует переступать, и увлечение моим отцом – одна из них. – Я бы предпочла никогда не слышать, что ты говоришь о моем отце в таком ключе. – Как бы мне хотелось, чтобы *ара* не настаивал на встрече с Эмми после нашего ужина.

– Я не видела обручального кольца.

– Ну они с мамой вместе уже много лет.

Эмми подняла ладони.

– Боже. Успокойся, девочка. Я же не имела в виду ничего такого.

Тут раздался звонок в дверь, разорвав напряжение, а затем в замке звякнул ключ.

– Должно быть, Грей. Либо он пришел сказать мне, что не может сопровождать меня сегодня вечером, либо явился напомнить, какая я пустоголовая.

Эмми права: пришел Грейсон. А учитывая его одежду – черный пиджак и рубашка на пуговицах, – я заподозрила, что он пришел, дабы сопроводить сводную сестру на частное мероприятие, которое Робби Данмор организовывал в *Jardin Japonais* для «Девушек Круга» и их семей.

– Пришел, чтобы снова отчитать меня? – Эмми сняла кожаную резинку, которую намотала на пучок, и вытянула ноги из-под себя, чтобы встать.

– А как ты думаешь, Эм? – В его голосе прозвучала острая нотка. Нотка грубости. Будто он ожидал, что это их последний вечер вместе.

Хотя мои размышления о том, чтобы отписаться от Эмми, длились не больше минуты, его тон напомнил, что я не могу бросить эту девушку.

Грейсон улыбнулся мне, изучая полупустую тарелку с кексами и небольшой кусок обертки, засоряющий пепельницу в форме перевернутого цилиндра детского размера.

– Эм, насчет сегодняшнего мероприятия. Ты можешь привести всю семью, верно?

Эмми резко остановилась перед ним.

– Если ты сказал папе...

– Не говорил. Просто хотел узнать, можешь ли ты взять второго сопровождающего.

– Ой, да. А что? Ох... – Она повернулась ко мне. – У тебя есть какие-нибудь планы на вечер, Найя?

Мероприятие организовано фондом «Круг», так что даже если Робби Данмор не захочет присутствовать, кто-нибудь из организации там будет, и я смогу задать им все вопросы.

Я встала, стряхивая крошки кекса с фиолетовых джинсов.

– У меня нет никаких планов, но только если ты уверена, что это нормально.

– Да. Все в порядке.

Я заправила длинный локон за ухо.

– Мероприятие пройдет в *Jardin Japonais*, верно?

Она кивнула, долго рассматривая мои узкие джинсы и топ с ананасовым принтом.

– Нужен коктейльный наряд... модный. У тебя есть платье или тебе что-нибудь одолжить?

– У меня есть одно.

Вчера я отправилась домой, чтобы постирать и упаковать свежую одежду, что дало мне возможность пообщаться с младшей сестрой. После девяти игр в сардины с каждым из игроков младше семи лет я вернулась в Лондон с гораздо бóльшим чемоданом, на который Мира приподняла бровь. Впрочем, поцелуй в щеку избавил меня от лишних вопросов.

Перед тем как пройти мимо Грейсона, я спросила:

– Во сколько я должна быть готова?

– Через час.

Хотя мое тело устремилось вниз по двум лестничным пролетам, сердце готовилось выпрыгнуть из груди, а кончики пальцев покалывало от адреналина. Смогу ли я договориться о месте в благотворительной миссии? Будут ли они вообще рассматривать мою кандидатуру без удостоверения личности? Но самое главное: хочу ли я участвовать в этой миссии или мне будет безопаснее отправиться в Каракас и наблюдать за Эмми издалека?

Я отперла дверь и порылась на вешалке с одеждой, провисшей под яркими тканями. Недостаток цвета в крыльях я компенсировала выбором наряда. Проведя пальцами по ряду платьев, я остановилась на неоновом-розовом и туфлях на

каблуках в тон ткани. А затем попыталась выпрямить вьющиеся волосы – я почти сдалась, когда моя щетка застряла в тысячный раз. Конечный результат вышел полупрямым, по крайней мере вокруг лица. Я не была полностью уверена, как выглядит задняя часть, да меня это и не волновало. Напоследок непременно накрасила рот яркой помадой, чтобы отвлечь внимание от моих темпераментных светлых локонов.

Когда я встретилась с Эмми через час, она улыбнулась моему платью.

– Какой *яркий* наряд, детка.

Я не стала спрашивать, не слишком ли он вычурный, потому что не пошла бы переодеваться, даже если это так.

– Такси у входа.

– А Грейсон?

– Ему позвонили. Он ответил снаружи. – Эмми улыбнулась шире, ошибочно приняв мое любопытство за интерес. Я позволила ей верить в то, во что она хотела. Чтобы снискать ее дружелюбие.

Застегнув пуговицы укороченной кожаной куртки, она в облегающем платье прошествовала к черному такси. Грейсон уже сидел внутри, укрывшись от дождя.

Он поднял взгляд от светящегося экрана телефона, когда я устроилась напротив него, затем погасил мобильный и засунул его в пиджак, скользнув взглядом по ткани цвета фуксии, выглядывавшей из-под моего бирюзового бомбера.

– Знаю-знаю. Оно *жутко* розовое. – Я провела пальцами

по короткому подолу платья. – Эмми не преминула указать на это.

Она фыркнула, нажав на сенсорный экран, показывая, что мы пристегнуты и готовы ехать.

Пальцы Грейсона скользнули к шее под ворот рубашки.

– Я не... – Он прочистил горло, но не закончил предложение. После короткой паузы он сказал: – Я собираюсь допросить организаторов, Эм.

– Ты информируешь меня или спрашиваешь разрешения?

– Информую. И если какие-то из их ответов прозвучат сомнительно...

– Ты попытаешься исключить меня из списка.

Его рука опустилась с шеи, шлепнув по обтянутому джинсами бедру.

– К черту попытки. Я сделаю это, даже если мне придется применить физическую силу, чтобы вывести тебя из игры.

Эмми поджала губы.

– Мне девятнадцать, Грей. Даже папа не может заставить меня делать то, чего я не хочу.

– Неужели совсем не заботишься о своей безопасности?

Эмми закатила голубые глаза, которые подвела жидкой подводкой.

Я однажды подвела свои, но быстро вытерла веки, потому что макияж усилил темноту радужек, а кому хочется выглядеть так, будто у него посреди лица канализационные дыры?

– Данмори – миллиардеры, Грей. Я гарантирую тебе, что у

нас будет своя охрана. Они не жалеют средств на эту поездку. Ради всего святого, мы летим частным самолетом и остановимся в отеле, принадлежащем принцу, в котором живет *он сам*. Можешь себе представить, сколько охранников будет постоянно находиться рядом с нами? – После некоторого молчания она добавила: – Эй... по крайней мере, я не лечу в Чикаго.

Нахмурившись, я отвернулась от промокшего города.

– А что в Чикаго?

– Серийный убийца. Ты не читаешь новости? – Споры с Грейсоном, к сожалению, вернули Эмми ее не самую приятную сущность.

– Я занята чтением... других вещей. – *Совсем недавно изучала анкеты людей, с которыми ты отправишься в путешествие.*

Грей перевел взгляд с залитой водой улицы на сводную сестру.

– Серийный убийца нападает на мужчин за тридцать. Поскольку ты не подходишь под описание, я бы предпочел, чтобы ты отправилась туда, а не в гребаную коррумпированную Венесуэлу.

– Грей, это наша последняя ночь вместе до следующего месяца. Можем мы не тратить ее на ссоры?

Переведя взгляд на окно, он пробормотал:

– Хорошо. – Но он не звучал так, будто согласен. Я сомневалась, что Грей будет в порядке, пока Эмми не приземлится

на британской земле.

Мне хотелось погладить его по руке, сказать, что я позабочусь о том, чтобы она благополучно добралась до дома, но он бы начал задавать вопросы. А я не могла поделиться своими планами, поэтому сделала то, что у меня получалось лучше всего, когда дело касалось моей грешницы и ее сводного брата, – разрядила напряжение.

– Ты так и не сказал мне, чем занимаешься. Все еще учишься или уже работаешь?

– Я работаю в сфере финансовых технологий.

Эмми зевнула, что заставило Грейсона отмахнуться от нее; я же слушала с восторгом. У меня очень ограниченное понимание финансовых технологий – компьютерного языка в целом, – потому что в гильдии нас не учили пользоваться ими. То, что нам разрешили использовать смартфоны, уже стало большой уступкой со стороны Семерки. Очевидно, неоперенные не имели к ним доступа почти десять лет после того, как аппараты стали модными в мире людей, потому что считалось, что они слишком сильно отвлекают от выполнения миссий.

Когда офанимы поняли, что студенты все равно покупают мобильные, они более внимательно изучили эту технологию и решили, что в ней нет ничего предосудительного; к тому же она служит отличным устройством слежения. В итоге по всем гильдиям организовали кампанию, в рамках которой телефоны дарились неоперенным в день церемонии вруче-

ния костей крыльев. Я получила свой тогда и обновила модель только один раз, после неожиданного визита Рейвен во время моей миссии, который закончился тем, что мой телефон отправился на дно реки Меконг.

Грейсон все еще объяснял мне, что такое криптовалюта, когда мы добрались до места назначения.

Глава 9

Найя

Снаружи Лондон был шумным, но уровень шума внутри Jardin Japonais выходил на совершенно другой уровень. Разговоры лились из толпы людей, собравшихся вокруг блестящего черного бара, и отражались от бронзовых барельефов, украшающих стены ресторана.

– Эмми позвонила заранее и предупредила, что я приду? – спросила я, пока официанты огибали столы, такие же блестящие и черные, как сам бар, поправляя таблички и расставляя столовые приборы.

– Думаю, да. – Грейсон проследил за сводной сестрой, которая направилась прямо к бару и завела беседу с барменом. – Как думаешь, если я прокомментирую ее потребление алкоголя, она оторвет мне голову?

– Почти уверена, что да.

Он вздохнул.

– Мне бы очень хотелось, чтобы она перестала быть такой категоричной.

Мои инстинкты относительно сводного брата Эмми оказались верными. Я считала его добрым, а его профиль, который я просмотрела, когда изучала Данморов, показывал всего два балла, что почти неслыханно для мужчин его возраста.

та, живущих в мегаполисах. Его грех: *зависть*. Я предположила, что он позавидовал чему-то незначительному, иначе грех стоил бы ему гораздо больше очков. Разве что он религиозно уравнивал свои проступки маленькими актами милосердия.

– Думаешь, Робби Данмор здесь? – Я осмотрела комнату в поисках рыжеволосого мужчины.

Грейсон приподнял бровь.

– Должен быть. – Он кивнул в сторону скопления пожилых женщин в платьях разных оттенков черного, кроме одной, которая осмелилась привнести немного яркости. – Вон там. Общается с обеспокоенными родителями.

Женщина в красном рассмеялась над тем, что сказал Робби.

– Они не выглядят слишком обеспокоенными.

– Богатство ослепляет людей.

– Верно.

– Так же сильно, как и власть.

Мы подошли к Эмми, которая потягивала прозрачную жидкость из бокала с мартини, беседуя с девушкой, чья кожа сияла, как бронзовая отделка стен.

Эмми указала на Грейсона.

– Наташа, не могла бы ты заверить моего брата, что мы не вернемся в Лондон в мешках для трупов?

Наташа собрала свою массу косичек и скинула их с плеча.

– В мешках для трупов? – Она ухмыльнулась. – С нами

едет бригада медиков. Одни из лучших хирургов и врачей во всей Британии, поэтому, если что, мы вернемся домой в лучшей форме, чем уезжали.

– Видишь, Грей? Не о чем беспокоиться... – Взгляд Эмми скользнул за голову Наташи. Она оттолкнулась от барной стойки и расправила плечи. – Разве не этот мужчина сделал нашу поездку возможной? – Она протянула руку. – Лорд Данмор. Очень приятно познакомиться.

– Робби. Лорд Данмор – мой отец. И мне гораздо приятнее, мисс...

От маслянистой роскоши его тембра и мимики у меня по спине пробежала дрожь.

– Эммелин Роджерс.

Его улыбка стала шире, хитрая и гладкая коралловая полоса на бледном, веснушчатом лице.

– Эммелин. Какое прекрасное имя. – Он взял ее руку и поцеловал костяшки пальцев, затем повторил жест с Наташей. – А вы? – Он повернулся ко мне с поднятой рукой.

Я уставилась на его прямые, чистые ногти, затем на его угловатое, идеальное лицо, и, хотя мне хотелось прикоснуться к нему так же сильно, как погладить грязную крысу, я проявила вежливость.

– Найя Моро.

Он слегка нахмурился, поднеся мою руку к губам.

– Не помню, чтобы видел ваше имя в списке.

Я удивлена, что он вообще заглянул в него.

– Все потому, что меня в нем нет, мистер Данмор. – Я незаметно вытерла руку о платье.

– Ах. Это все объясняет. Американка?

– Из Нью-Йорка.

– И вы здесь с?.. – Его взгляд переместился на Грейсона, чье тело выпрямилось, напоминая фонарный столб.

– Они со мной. – Эмми сделала еще один глоток из бокала с мартини. – Мой сводный брат и... его подруга.

Я приподняла бровь. *Его* подруга? Полагаю, это лучше, чем представить меня как ее арендатора: кто приводит арендаторов на частную вечеринку? Кроме того, я действительно чувствовала себя другом Грейсона. Уж точно больше, чем Эмми.

Янтарно-карие глаза Робби, казалось, засветились красным, когда он наклонил голову в сторону Эмми.

Тройка оказался высоким, таким же высоким, как Адам. Это сравнение застало меня врасплох. Почему из всех высоких людей, которых я знала, мой разум сразу же переключился на товарища по черным крыльям? Мой отец тоже невероятно высокий. По крайней мере на три дюйма выше Адама.

– Можно сделать групповой снимок? – Фотограф в клетчатом килте и белой рубашке поднял старинную камеру, оснащенную телескопическим объективом.

– Конечно. – Робби повернулся к нему, затем развел руки в стороны, и Наташа с Эмми, ухмыляясь, подошли поближе.

Когда вспыхнула яркая лампочка, Эмми помахала нам с

Грейсоном.

– Присоединяйтесь к кадру.

– Мне и здесь хорошо, Эм. – Хрипловатый тон Грея и замкнутая поза привлекли внимание женщины в темном брючном костюме, стоявшей в паре футов от нас.

По ее строгому одеянию, еще более строгой прическе и прищуренному взгляду я предположила, что она телохранитель Робби. У человека его статуса должна быть целая эскадрилья таких охранников. Оглядев Грейсона с ног до головы, она отвела взгляд, вероятно решив, что он не представляет угрозы.

– Мисс Моро? – Сорвавшись с уст Тройки, моя фамилия заставила меня перевести взгляд на него. – Хотите фотографию?

Я не испытывала желания, но подумала, что лучше ему не отказывать. Поэтому подошла к Эмми, которая обхватила меня за плечи, и уставилась в камеру, запечатлевшую сей момент.

Закончив со снимками, Робби поблагодарил нас за то, что мы пришли, и перешел к следующим гостям. Тем временем суровая охранница приклеилась к нему как тень.

– Мог бы хотя бы поздороваться, – зашипела Эмми на Грейсона, прежде чем повернуться к бармену и подтолкнуть к нему свой бокал. – Я возьму еще один.

Сквозь окружающую нас музыку в стиле лаундж мне показалось, что я слышала хруст костяшек пальцев Грейсона.

Я накрыла его сжатую руку своей, пытаюсь смягчить разгорающееся раздражение, пока оно не вспыхнуло. Ради него и Эмми я не хотела, чтобы их последний вечер наполнился противостоянием.

– Желаешь что-нибудь выпить, Найя? – предложила Эмми, как только ее бокал наполнился, а в бокал Наташи налили еще игристого.

– Просто воду. Спасибо.

– А ты, Грей? – Взгляд Эмми упал на руку, которой я обхватила кулак Грейсона. Когда ее улыбка стала шире, я осознала, что она вновь неправильно истолковала мое стремление успокоить, приняв его за попытку соблазнить.

– Тоже воду. – Его ворчание ничуть не раздражало Эмми. Когда она озвучила наши заказы, я пробормотала:

– Знаю, что тебе больно, Грейсон, но отпусти это. – Я сжала его кулак в последний раз, прежде чем убрать пальцы.

– Итак, как долго вы двое вместе? – Наташа прислонилась к барной стойке, потягивая шампанское.

Я нахмурилась. Огляделась вокруг. Когда поняла, что она имеет в виду нас с Грейсоном, я сказала:

– Ох... Мы не вместе. Только недавно познакомились. Эмми протянула нам два стакана воды.

– Никогда не думала, что буду рада твоему приезду в Лондон, Найя, но теперь, по крайней мере, я отправлюсь в путешествие с легким сердцем.

Мой пульс ускорился от ее намека, а Грейсон... его лицо

покрылось пятнами.

Желая сгладить неловкость, я отпила воды, поставила пустой стакан на барную стойку, а затем помчалась в уборную, зажатую между двумя бронзовыми панелями в конце неосвещенного коридора.

Я подпрыгнула, когда в темноте рядом с дверью туалета кто-то шевельнулся. Только через минуту поняла, что это теплохранитель Робби. Я предположила, что он тоже решил посетить уборную.

Зайдя в дамскую комнату, я смыла с рук прикосновение Тройки, затем расчесала волосы, освежила помаду и ответила на сообщение матери. Решив, что дала Грейсону достаточно времени, чтобы остыть, я подхватила свою вечернюю сумочку и уже собралась уходить, когда дверь туалетной кабинки распахнулась и оттуда вышел не кто иной, как Робби.

Неужели я зашла в мужской туалет?

Я уже собиралась извиниться, когда ту же кабинку покинула пожилая дама в красном, с которой я заметила его ранее. Пока она поправляла лиф платья, мой взгляд переместился на ее левую руку, где на обручальном кольце сверкал крупный бриллиант огранки «принцесса». Хотя я не могла увидеть ее рейтинг, измена подняла бы счет по крайней мере на два балла, возможно на три. Она не обращала на меня внимания. Только пробормотала что-то на ухо Робби, затем облизнула верхнюю губу и вышла из дамской комнаты, покачивая бедрами.

– Найя Моро. – Звук моего имени заставил мое внимание переключиться на зеркало, к отражению глаз младшего Дан-моро. – Что вы думаете о нашей программе?

Касаемо его миссии у меня появлялось больше вопросов, нежели размышлений, но, поскольку я не могла поставить под сомнение характер поездки, я дипломатично ответила:

– Это замечательная инициатива. Хотелось бы, чтобы как можно больше людей заботились о помощи другим.

Он закрыл кран и достал из корзины полотенце.

– Вы подали заявку?

– К сожалению, не смогла.

– Чрезмерно опекающие родители?

Мои родители определенно подходили под определение «чрезмерно опекающие».

– На самом деле, отсутствие паспорта не позволило мне подать заявление. Я бы с удовольствием присоединилась к вашей команде.

Робби приподнял бровь пшеничного оттенка, продолжая вытирать руки.

– У вас нет паспорта? Как вы попали в Лондон? Кто-то тайно ввез вас в нашу страну?

От моей глупости шею охватил жар. Почему не сказала ему, что я местная? *Черт. Черт. Черт.*

– Да, – пробормотала я в итоге, и, поскольку отец провел меня через поток, это даже нельзя назвать ложью.

Робби наконец выбросил полотенце для рук в проволоч-

ную корзину под раковиной, а затем уперся бедром в гранитную плиту.

– Тяжелая семейная жизнь?

Я предпочла молчать, поскольку тишина говорила громче слов и не стоила перьев.

– Если бы я достал вам паспорт, вы бы присоединились?

– Да! – Чем с большим энтузиазмом я отвечала, тем лучше, верно? После некоторой паузы я спросила: – Ваш вопрос чисто гипотетический?

Хотя в Робби нет ничего сверхъестественного, его глаза, казалось, заискрились.

– Нет.

– Вы можете это сделать? У меня нет свидетельства о рождении, или...

– Можно сделать многое, если знать полезных людей и умаслить нужные руки.

Мое сердце стучало по ребрам.

– Мне потребуются ваши отпечатки пальцев – чтобы найти свидетельство о рождении, если оно существует, – и ваше согласие прогнать их через систему.

Не колеблясь я сказала:

– Давайте сделаем это.

Ухмылка, которой он меня одарил, была настолько же яркой, насколько и самодовольной, поскольку он считал меня очередной мухой, попавшей в паутину. Он не подозревал, что сам является мухой и что только что влетел прямо в *мою*

паутину.

Глава 10

Адам

Ангельский факт #131

Склонность грешить присуща не только людям, но и ангелам.

Мчась домой на гудящей тачке, я размышлял о том, как ускорить выполнение моей новой миссии – исправить со-рокалетнего бейсбольного тренера, бравшего взятки. Хотя обычно мне хорошо удается балансировать между миссиями неоперенного и шорима, у меня нет никакого желания вкладываться в судьбу Энтони.

Как только я переступил порог нашего временного дома и уловил хмурый вид Леви и Галины, мысли о грешнике вылетели из головы.

– Кто-то умер?

Взгляд на сжатый рот Ноа заставил меня вздрогнуть. Что-то случилось.

Что-то плохое.

Какого Абаддона я сегодня тусовался со своим грешником? Мне следовало отложить миссию.

Хотелось пнуть себя за отсутствие предусмотрительности.

– Полицейские поймали нашего субъекта?

– Нет. Он или она все еще на свободе. – Галина села на

скамейку, вытянув руки над головой, будто она часами сидела сторбившись над кухонным столом.

Я опустил рядом с ней.

– Тогда почему вы все выглядите так, будто малахим пнул человеческую душу?

Галина с Ноа обменялись долгим взглядом.

– Они боятся, что ты разозлишься из-за того, что я только что обнаружил. – Леви притащился на кухню с планшетом.

Мой учащенный пульс затих.

– И что же это?

– Помнишь ту миссионерскую поездку фонда «Круг», за которой ты просил меня следить? Они только что обнародовали список участников.

– Ладно. И?

Он повернул экран ко мне. Я пролистал список, пока взгляд не зацепился за знакомое имя. *Эмелин Роджерс*.

Эмми подала заявку на гуманитарную миссию? Как я мог не знать об этом? И с каких это пор она заботится об остальном мире? Я не мог назвать ее плохим человеком, но она никогда не отдавала ни одного пенни безвозмездно, ни бездомному, который спал на станции метро рядом с ее домом, ни официантам в ресторанах. Если уж на то пошло, она воровала случайные деньги так, словно от этого зависели ее средства к существованию.

Я наконец поднял взгляд.

– Это... неожиданно.

– Ты не знал, что она подала заявку? – Ноа сливал воду с макарон в раковину.

Я покачал головой.

Галина согнула колено и прижала его к груди, сдувая в мою сторону пары прогорклого чая.

– Твоя бывшая знала, что ты копаешь под Данморов?

– Конечно нет. – Я вытянул шею, избавляясь от напряжения после тяжелого дня, точнее недели. – Что за вопрос?

– Просто предположила, что она сделала это, дабы привлечь твоё внимание. – Галина пожала плечами. – Наверное, совпадение.

Совпадений не бывает.

Не мог ли я случайно упомянуть имя Данмора или их венесуэльскую инициативу? Может, я оставил открытой страницу поиска о фонде «Круг» в своем телефоне? Неужели Эмми действительно стала бы связываться с ними, чтобы привлечь мое внимание?

Это не имело смысла. Еще меньше смысла в том, что она решила, будто я вернусь к ней, если она с ними свяжется.

Пока обдумывал все это, я заметил, что Галина пролистывает красочную ленту, полную фотографий. Одна из них заставила меня выхватить у нее телефон и сжать его так крепко, что стекло только чудом не треснуло.

Я проверил, кому принадлежал пост – Эмми, – а затем глянул отметку времени на фотографии. Снимок сделан полчаса назад в модном клубе, принадлежащем самому млад-

шему Данмору. Надпись гласила: «За новых друзей и новые начинания».

У меня свело челюсть, когда я увидел, что губы Найи коснулись уха Грейсона, а ладонью она обхватила его руку. Что случилось с ее желанием спасти несчастные души? Неужели думает, что Грейсона нужно спасти? Я фыркнул. Душа этого парня чище, чем трупы Ноа.

Но важнее то, что она нарядилась и обнималась на мероприятии, организованном Тройкой.

– Могу я получить телефон обратно? – Галина протянула ладонь, как раз когда планшет Леви издал пронзительный звон.

Он повернул его к себе и провел пальцем по экрану, когда я отдал телефон.

Галина некоторое время изучала фотографию.

– Кто эта девушка рядом с братом твоей бывшей?

Леви избавил меня от потребности отвечать.

– Список «Девушек Круга» обновился.

– Что значит «обновился»? – спросил я.

Он закатал слишком длинные рукава своей кофты с молнией.

– В список только что добавили еще одно имя.

– Как? Разве форма не закрылась более двух недель назад? – Галина увеличила фотографию Грейсона и Найи, пристально изучая ее.

– Именно. Не знаю, как она это провернула. – Леви провел

рукой по взъерошенным волосам.

– Вероятно, отсосала Робби Данмору, – пробормотал я.

Тройка любил ставить людей на колени, будь то для того, чтобы засунуть им в рот свой член или же ствол пистолета. Мужчины. Женщины. Старые. Молодые. Для него не имело особого значения. Люди в его глазах созданы для того, чтобы их использовали, все они были одноразовыми.

Если бы только новенькая знала, на что она подписалась. Не то чтобы я был на сто процентов уверен в том, что Данмор планировал для них. Единственное, в чем мы с Довом согласны: – Тройка собирался использовать девушек в личных целях.

Леви уставился на меня.

– Думаешь?

Я пожал плечами.

И уже собирался спросить его о новостях по нашему делу, когда Ноа обогнул кухонный островок и заглянул в планшет.

– Новая участница – *Найя*?

– Что? – Слово сорвалось с моих губ с такой скоростью, что зацепилось за волосы, обрамляющие лицо Галины.

Она опустила телефон.

– Найя, в смысле Найя Серафа Ашера?

– А ты знаешь других? – огрызнулся я.

– Боже. – Она закатила глаза, снова подняв телефон. – А ты напряжен. – Она перелистала до фотографии меня, о существовании которой я не знал. Мне хотелось, чтобы снимок

исчез, но следовало расставить приоритеты.

И на первом месте находилась Найя Моро.

Ноа вернулся к своим макаронам.

– Думаешь, она присоединилась, чтобы завершить миссию со своей грешницей, или Дов рассказал ей о Данморах?

Галина вернулась к фотографии Грейсона и Найи.

– Я очень надеюсь, что она не делала Робби минет, дабы получить место в миссии.

Образ, который Галина впихнула мне в разум, пробудил желание врезать кулаком во что-нибудь, желательно в душу Робби.

– Адам? – Голос Ноа звучал усиленно и в то же время отдаленно, будто он исходил из громкоговорителя на вершине горы. – Ты в порядке?

Я вскочил на ноги, адреналин струился по венам, напрягая каждую мышцу.

– Найя едет в Венесуэлу не для того, чтобы следить за Эмми; она направляется туда, потому что я ей отказал.

Ноа нахмурился.

– Я не пони...

Не успел он договорить, как я уже оказался в гараже и заводил мотоцикл, перебирая варианты, как вбить здравый смысл в голову неоперенной, и при этом не потерять все свои гребаные перья.

Один из сценариев, должно быть, понравился ишимам, потому что они, черт возьми, ощипали меня.

Глава 11

Найя

За десять минут я превратилась из неоперенной без каких-либо документов в гордого обладателя свидетельства о рождении и паспорта.

Когда Робби предложил снять с меня отпечатки пальцев, я предполагала, что меня не обнаружат в базе данных, учитывая ангельское происхождение, но вот, пожалуйста, мои отпечатки совпали. Они совпали с некой Валентайн Трамбле, родившейся в Париже в день моего рождения.

Я прочитала имя матери Валентайн – *Селин Трамбле*. Могла ли она оказаться моей биологической матерью? Араникогда не упоминал о Селин, да и зачем? Хотя он беззаветно любил меня, все же не гордился тем, как я появилась на свет. Поступок ангела, оплодотворившего замужнюю женщину, не вызывал одобрения.

Рядом с именем Селин стояло имя ее мужа – *Лайонел Трамбле*. Я задавалась вопросом, почему он позволил вписать свою фамилию в мое свидетельство о рождении, если я на самом деле не его ребенок. Разве не знал, что я не его дочь, когда его жена отдала меня другому мужчине?

Я так сосредоточилась на своей родословной, что, потянувшись за стаканом с водой, случайно опрокинула его, и

ледяное содержимое пролилось через стол прямо на колени Грейсона.

Он отодвинул свой стул назад.

– Черт. Мне так жаль.

– Все в порядке. – Грейсон улыбнулся. – Это просто вода, Найя.

Эмми наклонилась и невнятно пробормотала:

– Ты можешь опрокинуть хоть кувшин соевого соуса, и Грей будет совершенно не против.

Тонкий намек. По крайней мере, она не произнесла его слишком громко.

Когда официант устранил учиненный мной беспорядок, брат Эмми наклонился и прошептал:

– Пожалуйста, откажись.

Я вздрогнула, подумав, что он обращается ко мне, но я не рассказывала о своем недавнем вступлении, поэтому решила, что он умоляет Эмми.

– Чтобы провести лето в хандре, задаваясь вопросом, отчего я недостаточно хороша для своего бывшего? Нет, спасибо.

Я окинула взглядом ее прямой нос, ярко-голубые глаза и атласные волосы.

– Ты не должна измерять свою ценность глазами других людей.

Она уныло фыркнула.

– Тебя когда-нибудь бросал парень, Найя?

– Нет.

– Тогда ты не можешь понять, как это подрывает самооценку.

– Я понимаю, что Адам причинил тебе боль.

– Говорит тот, кого никогда не бросали.

– Меня никогда не бросали, потому что я никогда ни с кем не встречалась. – Разочарование от того, что она такого низкого мнения о моем сочувствии, заставило меня признать это слишком горячо. Что также побудило мои невидимые крылья ошестиниться.

Эмми моргнула.

– Ты шутишь?

У меня запылали щеки, когда я схватила свой только что наполненный стакан.

– Нет.

– Почему?

– Потому что... Просто никогда не заводила отношений. – Я осушила бокал, затем поставила его на место резче, чем следовало.

Наташа, которая поменялась местами, чтобы сесть за наш столик, наклонилась к Эмми, взглянув в мою сторону.

– Но ты же с кем-нибудь целовалась, да?

Я покачала головой, крылья покалывало, будто ишим напоминал мне не лгать, но мой рот никогда не касался чужих губ.

– Ты серьезно? – Веки Эмми взметнулись так высоко, что

она заставила меня вспомнить Лайлу, чьи глаза занимали треть лица. – Ты никогда *ни с кем* не целовалась?

Она произнесла это так, будто я пропустила один из важнейших этапов своего развития. Большинство неоперенных ни с кем не встречались, пока не попадали в Элизиум. Мне пришлось напомнить себе, что Эмми смотрит на это с человеческой точки зрения, где два десятилетия – огромный пласт жизни, а не капля росы, как для ангелов.

– У меня впереди целая жизнь, чтобы целоваться и влюбляться.

Наташа уставилась на меня, выражая потрясение округлившимися глазами.

– Но разве тебе не интересно?

К счастью, появился официант с нашими закусками, положив конец этому разговору. Эмми заказала еще один коктейль, отчего челюсть Грейсона напряглась, пока он жевал свой чесночный крампет⁶ с лимонным кремом, сырым лососем и солидной порцией сверкающей икры.

– Все еще не хочешь ничего веселее воды, Найя? – Эмми провела большую часть последнего часа, возясь со своими блестящими каштановыми локонами и пытаясь склонить меня к употреблению алкоголя.

– Нет.

– Совсем не пьешь?

Я наколола морепродукты на вилку.

⁶ Пышные английские оладьи.

– Предпочитаю сохранять ясную голову.

– Значит, диетические или религиозные соображения здесь ни при чем? – Эмми в триллионный раз поправила волосы, затем поджала губы и сделала *еще одно* селфи, убедившись, что ее декольте теперь, когда Робби Данмора больше нет рядом, находится в центре внимания. До его ухода (видимо, ему нужно было отправиться в поместье родителей, чтобы подготовить его к нашему приезду, – мы собираемся провести там выходные, дабы подготовиться к поездке) многие ее селфи захватывали больше общего плана, на котором непременно был запечатлен пресловутый миллиардер.

Я покачала головой.

– Жизненная позиция. – Кроме того, что пьянство стоило перьев. Вернее, злоупотребление алкоголем. Один бокал, очевидно, не повредил бы.

Эмми наконец убрала телефон обратно в маленькую дизайнерскую сумочку, и он звякнул о что-то, очень напоминавшее перламутровое кольцо для салфеток, которое было обернуто вокруг хрустящей ткани на ее коленях. Поскольку люди редко приносят собственные кольца для салфеток на званый ужин, а эта модель являлась точной копией той, которую я положила рядом со своей тарелкой, я предположила, что моя грешница ее украла.

Эмми, Эмми, Эмми.

Я чуть не цокнула языком, но решила промолчать и подождать, пока она выудит его и сформулирует неубедительное

оправдание. Хотя Эмми заметила мой взгляд, она застегнула молнию на сумке и спрятала ее за спину.

Наши закуски убрали, подав новые напитки. Лед звякнул, когда она поднесла бокал к губам. Возможно, будучи взволнованной тем, что я поймала ее с поличным, Эмми повернулась к Наташе, оставив меня разговаривать с Грейсоном.

Я открыла рот, чтобы завязать беседу, когда Наташа промурлыкала:

– М-м, ням-ням. А вот и десерт.

Уже? Что случилось с основным блюдом? Не то чтобы я жаловалась.

Эмми зашипела, и мой взгляд оторвался от сервировки Наташи, смещаясь к тому месту, куда она смотрела. Неудивительно, что Эмми выглядела так, будто откусила лимонную дольку. Ее бывший направлялся прямо к нашему столу, глаза горели радиоактивным зеленым оттенком, волосы цвета красного дерева беспорядочно торчали во все стороны, а кожа покрылась испариной. Вместо того чтобы сжаться, Эмми села и расправила плечи.

Взгляд Адама встретился с моим, когда он пробирался мимо любопытных гостей. На мгновение я задумалась, как он попал на закрытую вечеринку.

Дов. Должно быть, он обратился к Дову.

Но главный вопрос заключался в том, зачем Адам пришел. Чтобы возобновить отношения с Эмми? Чтобы убедить ее отказаться от участия в программе? Знал ли он вообще,

что ее пригласили в миссию Данмора?

Когда Адам приблизился, я заметила, как напряглись мышцы на его руках, словно он готовился к драке.

Грейсон вскочил со стула.

– Я здесь не ради твоей сестры, – прорычал Адам. – Я здесь из-за Найи.

Эмми, которая до этого момента сидела неподвижно, словно ледяная фигура, ожила и обратила внимание на меня. Я не встретила ее обвиняющего взгляда. Вместо этого откинулась на стуле и скрестила руки на груди.

– Нам с ней нужно еще немного поболтать.

Я слышала об острых взглядах, но никогда не испытывала их на себе, пока глаза Адама не нашли мои.

На выдохе он добавил:

– Поскольку первая беседа не совсем удалась.

Грейсон взглянул на меня, в замешательстве сморщив лоб.

– Найя. – Адам дернул подбородком в сторону выхода. – Сейчас же.

Я не встала.

– Я не собачка, Адам. И слышала тебя громко и четко еще в первый раз.

– Похоже, ее не интересует то, что ты хочешь сказать. – Грейсон сделал шаг вперед, пытаясь заставить Адама отступить.

– Отвали на хрен, Грей. – Он сжал зубы, когда ишим из-

влек перо из невидимых крыльев. Подумать только, Адам потерял черный пух за выбор слов, тогда как должен был потерять его за свой отвратительный тон.

– Если бы Найя хотела поговорить с тобой, кретин, – прошипел Грейсон, – она бы уже встала. А теперь убирайся, пока я не приказал телохранителям Данмора вышвырнуть тебя на обочину, где тебе и место.

Вот только охранники Данмора уже ушли со своим боссом...

– Это не игра, Найя. – Голос Адама вибрировал от едва сдерживаемой ярости.

Значит, он в курсе, что я присоединилась к «Девушкам Круга», и явился, чтобы отговорить меня? Хотя манера его поведения была наглой и непродуманной, я оценила заботу, раз он приехал.

Если только...

Если только это не имело ничего общего с заботой и не связано с тем, что я вмешалась в его дело и он просто охраняет свою территорию.

Я сильнее сцепила руки на груди.

Когда Адам понял, что я не встану, он покачал головой, развернулся и умчался прочь. Его визит казался настолько сюрреалистичным, что, если бы я не заметила, как вертятся головы остальных гостей, засомневалась бы, произошло ли это на самом деле.

– Что это было? – спросила Наташа.

Наконец расслабив руки, я тщательно подбирала слова. Мне не хотелось потерять из-за Адама первое перо.

– Он пытался отговорить меня общаться с Эмми.

– Что? – Ее щеки надулись от потрясения. Или же возмущения?

– Я не очень хорошо его знаю, – честно говоря, *совсем* не знаю, – но не думаю, что Адам хочет, чтобы мы стали друзьями.

– Почему? Потому, что я недостаточно хороша, чтобы быть твоей подругой? – выплюнула Эмми.

– Я имела в виду, возможно, он боится, что ты будешь рассказывать мне истории о нем, которые не должны дойти до его родителей.

Ее зрачки, казалось, расширились, пока она взвешивала все «за» и «против» доверия ко мне. Наконец Эмми слегка фыркнула.

– Ему есть о чем волноваться. У меня много историй. – Она схватила джин со стола, опрокинула его залпом, затем закусила губу. – Ох, с чего бы начать?

Наташа попросила самую грязную. Я не хотела об этом слышать, поэтому повернулась к Грейсону, который молча и пристально наблюдал за мной.

– Ты правда встретила его только в тот вечер, когда приехала в Лондон? – спросил он.

Вздохнув, я кивнула.

– Правда.

Опустив предплечья на столешницу из черного стекла, я потянулась, чтобы взять одну из жареных рисовых булочек из керамической миски, которую официант оставил на нашем столике.

Я жевала, но, к сожалению, была слишком взволнована, чтобы насладиться вкусом. Я съела еще одну, которая провалилась, как мокрый гипс. Как бы ни старалась сосредоточиться на вкусной еде и миссии, к которой мне предстояло приступить, я все время прокручивала в голове вспышку гнева Адама.

И прокручивала...

Всю дорогу до дома.

Все еще думая об оперенном, я разошлась с угрюмым Грейсоном и пьяной Эмми – его попытки обуздать пьянство сестры пали быстрой смертью после фиаско с Адамом.

Пока он помогал ей подняться по лестнице, я спустилась в свое убежище и отперла дверь. Не успела я дотянуться до выключателя, как дешевая лампа на тумбочке вспыхнула, и мое сердце, неровно колотившееся всю ночь, чуть не остановилось.

Глава 12

Адам

Ангельский факт #12

Элизиум находится не на Земле.

Ключи выскользнули из рук Найи, и она охнула, втянув щеки.

Я качнулся на задних ножках железного стула, который притащил с ее подземной террасы.

– Хорошо провели время в Jardin Japonais? – Я выделил букву «р» в последнем слове.

Мне пришлось ждать почти два часа, пока она вернется домой. Если я и злился до этого, то это меркло по сравнению с тем, как я взбешен сейчас.

Она присела, чтобы поднять ключи, затем засунула их в карман куртки.

– Как... как ты сюда попал?

– Первое правило жизни в человеческом мире: научись запира́ть двери.

Ее пальцы сжались вокруг ключей, костяшки стали белыми, в тон стенам.

– Я ее запирала.

– *Двери.* Множественное число. – Я кивнул на дверь внутреннего двора позади меня, стукнул передними ножками

стула по виниловому полу, который должен был выглядеть как настоящее дерево, и встал. – Собирай вещи. Ты едешь домой.

– Никуда я не поеду. – Ее белокурая грива задрожала. Все ее тело вибрировало в такт нашему настрою. – Как ты вообще узнал?

– Список «Девушек Круга» выложен в общем доступе, вот так. А теперь собирайся. Мы уходим.

– Я никуда не пойду.

Я пошевелил челюстью из стороны в сторону.

И уже собирался попросить немного вежливее, когда она добавила:

– Грейсон прав. Ты просто властный кретин.

Я ухмыльнулся. Воспринял бы это за комплимент, учитывая, что сводный брат Эмми вызывал у меня желание зевнуть, заняв второе место после Офана Франца, профессора этикета моей родной гильдии. Я никогда не спал так крепко, как на его уроках.

Однако вернемся к делу...

– Ты хоть представляешь, насколько мерзок Робби Данмор, Найя?

– Я провела исследование. И знаю, что он Тройка, как и то, что фонд семьи – прикрытие для множества гадких вещей.

Несмотря на то что каблуки высотой в несколько дюймов прибавили ей роста, Найе все равно пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть мне в глаза. Папа Габриэль, воз-

можно, и не мой биологический отец, но каким-то образом я унаследовал его рост.

– Гадкие вещи? – фыркнул я. – Еще мягко сказано. На руках этого человека больше крови, чем в банках Фонда Красного Креста. Он настолько коррумпирован, насколько это вообще возможно.

– Тогда хорошо, что я получила место в его инициативе.

Тот, кто говорил, что эта девушка податлива и мила, явно не проводил много времени в ее обществе.

Я дернул себя за корни волос.

– Ты всегда такая упрямая?

– А ты всегда такой несдержанный?

Мои пальцы замерли в волосах.

– Ты хоть представляешь, что он планирует делать со своей маленькой делегацией?

Она поджала губы.

– Да, у меня есть кое-какие мысли на этот счет.

– И тем не менее ты все равно согласна ехать?

– Эти девушки беззащитны. Им понадобится ангел-хранитель, и я займу эту роль.

– Им понадобится больше чем один хранитель, – проворчал я.

– Предлагаешь присоединиться к *моей* миссии?

– *Твоей* миссии? – Я шагнул в ее пространство, нависнув так близко, что заметил: ее радужки не совсем черные, как я предполагал. – Я приехал в Лондон, чтобы разузнать об этой

семейке. Как думаешь, почему подписался на такую простую грешницу, как Эммелин Роджерс, а? Как считаешь, зачем так долго здесь торчал? – Девушка оказалась отличным алиби и приятным способом выпустить пар, пока я расследовал дело Данморов. – Представь мое удивление, когда я увидел твоё имя в списке. – От моего резкого выдоха затрепетала прядь волос Найи. Я на мгновение отвлекся на то, какие они гладкие, совсем не похожи на те локоны, что я видел во время первой встречи. – Слушай, я скажу это в последний раз, но, если ты не хочешь, чтобы девушек продали, убили или ангелы только знают, что ещё задумал этот ублюдок, тебе нужно отступить.

Все ещё не разжимая губ, она сглотнула; я наконец-то достучался до неё. Тем, что связал это с торговлей людьми или убийством? Неужели она наконец-то испугалась за свою безопасность? Может, Найя и бессмертная, но даже мы не можем избежать некоторых видов пыток.

Она повернулась на высоченных каблуках и открыла ящик комода.

– Какая погода в Венесуэле в это время года?

Мой взгляд остановился на её икрах, длинных и стройных, с подтянутыми мышцами, покрытыми молочно-белой кожей, но затем её слова ударили меня по голове.

– Венесуэла?

Пальцы Найи замерли на краю комода, а затем она захлопнула его и уперлась рукой в бедро, сминая неоновую-розовую

ткань.

– Ты же не думал, что я собираю вещи, дабы сбежать из Лондона, правда?

Эта девушка собиралась взорвать мне мозг. Я закрыл глаза, пытаюсь успокоиться, прежде чем подумаю или сделаю что-нибудь, что будет стоить мне еще одной горсти перьев. Сколько я потерял с тех пор, как встретил Найю? Несомненно, все те, что заработал с Эмми.

– Позволь мне кое-что объяснить тебе, чтобы ты поняла, как чертовски безрассудно сейчас себя ведешь, *Звездный Свет*.

Ее пальцы снова смяли юбку.

– Мы с командой работаем под руководством ишима и сотрудничаем с копами, федералами и детективами. – Про детективов – правда. Что касается федералов и полиции... мы дважды натыкались на первых, работая над одним и тем же делом, а вторые постоянно пытались арестовать нас за незаконное проникновение или подделку улики. Я не стал уточнять, поскольку это бы сильно обесценило мои слова. – Наша цель – ликвидировать преступные организации, а не просто скакать рядом с криминальными авторитетами, пока те не отыщут свою совесть.

Из ее уст вырвался смешок. Найя подавила его тыльной стороной руки, но ее глаза продолжали блестеть.

– Ты думаешь, что я планирую исправить Робби Данмора? – Последовал еще один смешок, звук хриплый и в то же

время атласно-гладкий.

Я прислонился к стене, борясь с мурашками, охватившими руки. С каких это пор у меня бегут мурашки по коже при звуке чьего-то смеха, особенно когда высмеивают меня?

– Посвяти меня в свой грандиозный план.

– Я бы с радостью, – любезно произнесла она, – но мы с тобой не команда. Ты отказал мне, помнишь? И поскольку мы даже не друзья, я не понимаю, почему должна объяснять тебе, как буду защищать этих девушек.

Я фыркнул.

– У тебя даже плана нет, я прав?

За ее спиной появились крылья и слегка обвилились вокруг плеч.

– Вообще-то есть.

Я проверил воздух вокруг ее ног на предмет упавшего пера, затем пол возле шатких шпилек. Когда ни одно черное перышко не сверкнуло, я скользнул взглядом по ее телу, возвращаясь к лицу.

– Раз уж ты так решительно настроена довести эту миссию до конца, а я намерен уничтожить Робби Данмора раз и навсегда, сделай же мне одолжение.

Рот Найи оставался неподвижным в течение минуты... двух. В тот самый момент, когда я начал терять терпение, она приоткрыла губы.

– Мы поедем в поместье Данморов, чтобы подготовиться к миссии перед отъездом в Венесуэлу. – Она добавила воз-

душные кавычки на слове «подготовиться». – Я планировала собрать доказательства того, что это не гуманитарная деятельность, и донести свои выводы до полиции, чтобы они могли вмешаться до того, как девушки покинут британскую землю.

Я не сумел сдержаться и фыркнул.

Она пронзила меня сердитым взглядом.

– Что?

– Удачи в поисках копа, готового выступить против этой семьи. Тебе скорее удастся пересадить кости крыльев в человеческую плоть. – Пока я внимательно разглядывал чернокрылую неоперенную, старая пословица, которую папа вбил мне в мозг, о меде, пчелах и уксусе, просочилась в мой нынешний подход. – Тем не менее я аплодирую твоей инициативе.

Она шумно выдохнула.

– Как *это* не стоило тебе пера?

– Потому что я не солгал. Но я серьезно говорю, что тебе это не по зубам. Кроме того, мы с командой следим за этим делом. Не нужно подвергать себя риску. – Я оттолкнулся от стены и открыл верхний ящик, чтобы помочь ей упаковать вещи, и кончики моих пальцев наткнулись на множество кружев и атласа. Моя кровь запылала. Я считал Найю ангелом нейтрального хлопкового типа, а не...

– Так какой именно у *тебя* план?

Я замер от ее глубокого хриплого тона, кончики моих

пальцев зависли над вещами, которые я не имел права видеть, не говоря уже том, чтобы прикасаться к ним. Я сжал их в кулак и прижал к боку, затем повернулся к ней и про-чистил горло.

– Задействовать одного из врагов Робби, как только он окажется в Венесуэле. – Взглядом я проследил изгиб щеки Найи до кончика подбородка. – В этой стране Данмор непри-касаем.

– Задействовать каким образом?

– Позволить убить.

У Найи перехватило дыхание.

– На одну мерзкую душу в мире меньше.

– Хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, я помогу Робби столкнуться с его врагом.

Я отключил те части мозга, которые оживились при ви-де нижнего белья Найи, оставив включенным только отдел здравого смысла, поскольку очевидно, что она отключила свой разум целиком.

– Ни за что.

– У меня будет доступ. К тому же Робби знает меня и считает, что я какая-то пустоголовая девчонка с семейными проблемами. Он ничего не заподозрит.

– Нет.

– Что такого ужасного Тройка может сделать со мной?

– Он может запереть тебя! Пытать!

– И что? Я бессмертна. А еще хорошо обучена боевым искусствам.

– Я не стану использовать тебя, чтобы заманить Робби в ловушку.

– Я справлюсь.

Мне с трудом удалось подавить рык.

– Так ты запятнаешь свою душу.

Найя закатила глаза. Действительно закатила.

– Я не прошу делать меня частью твоей команды, только участником *этой* миссии.

Я уставился на стоящего передо мной ангела, оценивая ее тело, ища силу, о которой она заявляла. Найя далеко не хрупкая, и в ее жилах текла ангельская кровь, но она все равно казалась мне уязвимой.

– Твой отец меня прикончит.

Улыбка приподняла уголки ее рта. Чертова улыбка. Быть может, Дов прав насчет Найи. Может, в ней действительно есть желание рыскать по гнусным, темным закоулкам этой Земли. Иначе с чего бы ей улыбаться при мысли об участии в миссии, которая сулит опасность?

Если только эта улыбка не вызвана мыслью о моей неминуемой смерти, потому что я не сомневался, что, если с ней что-нибудь случится, Ашер позаботится об уничтожении моей души.

– Ты безумнее, чем я думал, – пробормотал я, не отрывая взгляда от ровного трепетания ее пульса.

– Храбрее.

Я вернул взгляд к ее обсидиановым глазам и приподнял бровь.

– Чтобы вступить в битву, требуется храбрость.

– Конечно. Когда у тебя нет выбора. Но когда он есть, это чистое безумие.

Улыбнувшись, Найя сказала:

– Тогда я, должно быть, так же безумна, как и ты.

Глава 13

Найя

Стук в дверь заставил мое сердце задрожать в такт телу.

Робби Данмор не стал бы стучать, напомнила я себе. Робби Данмор вообще не стал бы заезжать, и у него нет причин посылать кого-то ко мне. Разве что ему рассказали о моей ссоре с Адамом и он передумал брать на задание человека со сложными связями.

Я уставилась на дверь.

– Кто там?

– Грейсон.

Мое сердцебиение замедлилось.

– Иду.

Я кивнула на дверь ванной. Адам либо не понял моей молчаливой просьбы, либо ему наплевать на нее. В любом случае он не сдвинулся с места, скрестив руки перед собой.

– Секунду, Грейсон, – крикнула я, кивнув в угол комнаты.

Тяжело вздохнув, Адам наконец скрылся из виду. Когда я направилась к двери, поняла, что еще не сняла бомбер, что, несомненно, показалось бы брату Эмми странным. В конце концов, я ушла вниз двадцать минут назад. Я спрятала крылья, затем одновременно скинула каблуки и сбросила куртку.

Сделав глубокий вдох, который мало помог успокоить нервы, открыла дверь и прислонилась к ней.

– Привет. Что случилось?

Грейсон изучал мое лицо, его черты исказила гримаса безмолвного веселья.

– Ты тренировалась?

Я поднесла ладонь к шее, почувствовав, как покраснела кожа и заколотился пульс.

– Чтобы снять это платье, нужно приложить демонические усилия. – Я согнула руку над головой, чтобы доказать на деле.

Его веселье усилилось, а затем обернулось иным взглядом, от которого у меня по венам разошелся лед. Грейсон милый, но он выбрал ужасное время.

– Могу помочь. – Его голубые глаза скользнули по моему скромному вырезу.

Я уже собиралась мягко отказать, когда глубокий, бесстрастный голос произнес:

– У нее все под контролем. Но все равно спасибо, Грей.

Поджав губы, я обернулась. Какая наглость со стороны Адама! Я собиралась придушить его, как только мой посетитель уйдет.

– Не хотел мешать. – Голос Грейсона потерял несколько градусов теплоты.

Бросив еще один красноречивый взгляд в сторону Адама, я снова повернулась к сводному брату Эмми.

– Это не то, что ты подумал.

– Уже не знаю, что и думать.

Я держалась за дверь с таким напряжением, что мои ногти царапали дерево.

– Адам зашел, чтобы поворчать по поводу вечера. У него очень чувствительное эго.

Сзади меня раздалось фыркание.

Грейсон уставился на Адама, а затем перевел взгляд на меня.

– Только сделай так, чтобы Эмми не увидела его здесь. Как бы она ни заверяла, что все в порядке, сестра еще не забыла этого придурка. – Он отступил к лестнице. – Я собираюсь встретиться с другом. – Последовала долгая пауза.

Он спрашивал, хочу ли я пойти с ним? Надеюсь, что предложу пойти вместе?

Даже не будь рядом Адама, я бы отказала Грейсону. Завтра мне предстояло уехать, и, возможно, навсегда. Как только благополучно верну Эмми и остальных «Девушек Круга» в Лондон, я отправлюсь куда-нибудь еще.

– В любом случае, – провел он ладонью по густым волосам на висках, – еще увидимся.

– Желаю хорошо провести остаток ночи.

Как только он поднялся по лестнице и вышел из здания, я захлопнула дверь и набросилась на Адама.

– Неужели так сложно было вести себя незаметно и тихо? – Мой резкий тон даже не заставил его вздрогнуть.

– Вместо того чтобы стрелять в меня злобными взглядами, тебе стоит поблагодарить за то, что я избавил тебя от балласта.

– Грейсон не балласт.

– Думаешь, он предложил помочь тебе с молнией из галантности?

Я нахмурилась так сильно, что у меня натянулась кожа по линии волос.

– Ты упускаешь главное.

– Ага. И что же главное?

Наше общее разочарование заполнило крохотную комнату.

– Что я прекрасно могу постоять за себя, Адам.

Он дернул челюстью.

– Прости, что предположил, будто ты серьезно настроена преуспеть в поимке преступников. Если бы знал, что ты больше заинтересована в охоте на мужчин, я бы...

– Ох, ради ангелов, перестань говорить. – Я схватила за лоб и зажмурилась. – Seriously. Просто замолчи.

Удивительно, но он послушался, хотя его челюсть дрожала, будто он сдерживал слова.

– Не могу поверить, что мы собираемся сотрудничать в миссии, когда даже минута в твоём обществе вызывает у меня головную боль.

– Ты и сама не очень-то похожа на солнечный лучик, Звездный Свет.

Я, Найя Моро, неоперенная с самым спокойным нравом в истории гильдий, зарычала.

И как Адам отреагировал на мое отчетливое раздражение? Зеленоглазый неоперенный усмехнулся.

– Завтра я отправляюсь в поместье, – натянуто сказала я. – Раз уж ты изучал Данморов, может, хочешь произнести напутственные мудрые слова, пока я не уехала?

– Разумеется. – Он достал телефон из кармана спортивных штанов и начал печатать.

Когда он так ничего и не сказал спустя целую минуту, я прочистила горло.

– Я слушаю.

– Ох, здесь мы говорить не будем. – Он в последний раз провел пальцем по экрану, затем убрал мобильный в карман. – Наше такси прибудет через десять минут.

Я нахмурилась.

– Куда мы едем?

– Снабдить тебя устройством слежения.

– Посреди ночи?

– Там, куда мы отправимся, сейчас полдень. – Адам оттолкнулся от стены и подошел ко мне.

– Разве в Англии не производят устройства слежения?

– Не те, что останутся незамеченными Данморами.

Я пожалела, что сбросила каблуки, потому что мне пришлось вытянуть шею, чтобы посмотреть Адаму в глаза.

– Это ведь не какая-то коварная уловка, чтобы вытащить

меня из города?

– Нет.

Я проверила воздух вокруг его ног на наличие перьев-предателей.

– Рад, что мы доверяем друг другу.

– Ждешь, что я стану тебе доверять?

– У меня нет никаких ожиданий, только неумная надежда.

– Что ж, продолжай ее лелеять.

Он медленно окинул взглядом мое платье.

– Возможно, тебе стоит переодеться в более подходящий наряд для путешествий.

– Что не так с этим платьем?

– Ты утверждала, что обладаешь навыками ниндзя. Мне нужна демонстрация.

– Я не обязана ничего тебе демонстрировать.

Его губы сжались.

– А я не обязан тебе помогать, тем не менее согласился, так что меньшее, что ты можешь сделать, – это заверить меня, что ты не какая-нибудь девица в беде, которую мне придется спасти вместе с людьми.

Наши взгляды схлестнулись на десять полных вдохов.

Я отвела взгляд первой, а потом намеренно толкнула Адама, подходя к комоду. Я бы переделалась, и не ради него. Я меняла наряд, чтобы не сверкать наготой, пока буду расплющивать его это.

Девушка.

Как бы ни было по-детски дуться, я поджала губы.

– Тебе нужна помощь с этой хитрой молнией, наследница?

Пока тащила джинсы и футболку в ванную, чтобы переодеться, я наставила на него указательный палец.

– Найя. Не наследница. И не Звездный Свет.

У Адама хватило наглости усмехнуться.

– Может, именно поэтому *ара* так и не познакомил нас, – проворчала я через закрытую дверь. – Потому что ты невыносим.

Я чуть не вывихнула плечо, расстегивая молнию, – мне нужно найти другой подход к этому платью. Быть может, Рейвен, страдающая от синдрома беспокойных пальцев, сможет связать несколько красивых бусин и прикрепить их к моей молнии, когда ей разрешат покинуть Элизиум.

Она вознеслась шесть месяцев назад, но мне казалось, что с момента нашего последнего объятия перед потоком прошло шесть лет. Я все еще слышала ее мягкий голос, обещавший мне, что она будет вести себя наилучшим образом, – в ней не было ни капли зла, так что она будет вести себя как обычно, – чтобы получить ключ от потока к моему восемнадцатилетию.

К сожалению, хорошее поведение всего один из двух факторов, необходимых для возвращения на Землю. Нашим крыльям требовались месяцы, чтобы окрепнуть, а этот про-

цесс происходил только в Элизиуме, поэтому первоначальное пребывание там затягивалось.

Мой день рождения прошел, а Рейвен все еще не вернулась. Мне стало интересно, что она подумает о моем новом начинании в качестве хранителя. Поощрит ли инициативу или скажет, что я не выполнила обещание встретиться с ней в Элизиуме до конца года?

– Готова запрыгнуть в поезд лузеров? – Голос Адама отвлек от мыслей о Рейвен.

– Нельзя запрыгнуть в то, на чем уже едешь. – Собрав волосы в хвост, я вернулась в спальню за обувью и остановила выбор на сверкающих серебристых кроссовках, которые подходили к ангельским крыльям, вышитым на моей куртке. Просунув руки в рукава, я застегнула молнию. – Теперь мой наряд подходит?

Адам взглянул на меня, заострив внимание на блестящих кроссовках.

– Такси здесь. – А затем он направился к моей двери и распахнул ее.

Я восприняла это за одобрение. Затем проверила заряд батареи на телефоне, но тут же подумала, что не стоит брать его с собой. Если *ара* позвонит посреди миссии, ему станет любопытно, поэтому я положила тонкий аппарат на кухонную стойку и взяла ключи.

Когда я вышла, Адам кивнул на столешницу.

– Твой телефон.

– Его можно отследить. Не хочу, чтобы отец узнал, куда я направляюсь.

– Я могу отключить GPS.

– И это, конечно же, не беспокоит его...

Адам отпустил мою дверь, которую держал открытой, хотя ни один доводчик не угрожал ее закрыть.

– Хорошая мысль.

– Ты, кажется, удивлен, что я на них способна.

– Никаких ожиданий, помнишь?

– Как я могла забыть? – вздохнула я, запирая хлипкий кусок дерева и поднимаясь по лестнице первой, радуясь, что Эмми в отключке. Мне не хотелось рисковать тем, что она может узнать то, как я куда-то хожу с ее бывшим. Мне требовалось ее доверие, а не гнев.

Оказавшись в такси, я спросила:

– Так куда мы направимся через поток?

– В Чикаго.

– Что в Чикаго?

– Моя команда.

От предвкушения у меня участился пульс. Мне предстояло встретиться с командой, ради которой я проделала весь путь до Лондона.

Забавно, что все вышло не так, как я предполагала, и все же я добилась желаемого.

Глава 14

Найя

Спустя полчаса после того, как мы покинули Куинс Гейт, наше такси остановилось возле узкого жилища небожителей, зажатого между двумя столь же узкими домами на Ноттинг-Хилл, и я вышла в объятия мокрого города.

– Заберу тебя на другой стороне. – Мне едва удалось различить сквозь ливень голос Адама.

– На другой стороне чего?

– Потока. Я пройду через мужскую гильдию, так что вместе нас не увидят.

– Ох. – Я уже собиралась похвалить его ход мыслей, но решила, что его это не нуждается в подстегивании.

Он кивнул на васильково-голубое здание.

– Заходи.

Хотя мне не нравилось выполнять приказы, еще больше я не любила промокать до нитки, поэтому помчалась к гильдии и открыла дверь, чувствуя на себе взгляд Адама, пока не переступила порог.

Смахнув дождь с волос и щек, я заглянула в главный кабинет в надежде найти офанима, но никого не обнаружила. Возможно, они ужинали или укладывали спать младших неоперенных.

Я так стремительно шагала по атриуму, что желтые английские розы сливались в единое целое, точно акварельные брызги на белоснежном пергаменте.

– Офан? – позвала я, скрипя ботинками по освещенному огнем кварцу. Свернув в коридор общежития, наткнулась носом на крылья Офана Кейт, главы Гильдии 37. – Простите, Офан. Не хотела столкнуться с вашими крыльями.

Она приподняла бровь при виде меня.

– Ты передумала касаясь своего спального места, Найя?

– Нет. Мне нужно кое-куда попасть. Не могли бы вы меня сопроводить?

Она вздохнула, но кивнула в сторону потока.

– В Нью-Йорк, полагаю?

– Вообще-то в Чикаго.

Она склонила голову.

– Ты уже закончила свою миссию здесь?

– Еще нет. Просто собираюсь встретиться с... – я уже собиралась употребить слово «друг», но заменила его на более точное, – *знакомым*.

– Полагаю, ты настолько впереди всех, что тебе не помещает время от времени делать перерыв.

Не представляла, что количество моих перьев – такая популярная тема. Не зная, что ответить, я нацепила улыбку, которую не снимала до самого Чикаго.

Как только искрящийся дым рассеялся, я помчалась прочь от своего сопровождающего, бросив быстрое «спаси-

бо».

Хотя я никогда не бывала на Среднем Западе, чикагская гильдия устроена так же, как и любая другая обитель неоперенных: всюду белый кварц с огненными прожилками и стеклянная крыша, открывающая вид на неизменно ясное небо Элизиума. Единственным отличием являлась флора и планировка этажей.

Два раза свернув не туда, я все же попала в атриум, где под лазурным небом мерцали семь кварцевых фонтанов в форме ангелов. Я быстро прошла мимо них, затем толкнула входную дверь и вышла на залитый солнцем тротуар. После недели непрерывного дождя я не могла не закрыть глаза и не запрокинуть голову.

Хотя я не испытывала восторга от переезда в Каракас, учитывая, насколько опасна миссия и само королевство, мне нравилась идея пожить в месте, где климат не ограничивался дождями.

Я прищурилась, услышав приближающийся мотор. Мимо пронесся внедорожник, набитый детьми. Затем три машины поменьше. Два такси. Один автобус. Я уже начала жалеть, что не спросила у Адама адрес, куда мы направимся, когда в мою сторону свернул мотоцикл, а на нем – мой новый партнер.

Адам повернул ручки, и матово-черный, под стать его перьям, мотоцикл загромыхал.

– Планируете взобраться на него сегодня, мисс Моро?

– Я никогда не ездила на мотоцикле.

– Никогда?

Я покачала головой.

– Здесь не о чем беспокоиться.

Я закатила глаза.

– Я не боюсь.

– Верно. Ты безрассудная дочь серафима, а не неженка с голосом, способным соперничать с пением элизианских во-
робьев.

– Прошу прощения? – *Какой причудливый подбор слов...*

Это комплимент или скрытая издевка?

Адам снова завел мотоцикл, костяшки пальцев побелели на ручках, а взгляд устремился на ровный поток машин.

– Слова твоей матери. Уж точно не мои.

– Разумеется.

Не глядя в мою сторону, Адам кивнул на сиденье.

– Садись уже.

– Есть шанс, что я смогу повести?

Его взгляд вернулся к моему.

– Ты никогда не ездила на мотоцикле, но хочешь сесть за руль?

– Разве это так сложно? *Ты* же на это способен.

На его щеке появилась ямочка.

– Скажу тебе вот что... оставь свою мечту стать ангелом-хранителем, и я позволю тебе прокатиться на этом малыше.

– Хорошая попытка. – Я закинула ногу за Адама.

– Держись.

Я вцепилась в заднюю часть байка.

– За меня, Найя. Держись за меня.

Ох. Он рванулся вперед, и я сжала его талию, твердые мышцы под черной футболкой сбивались и напрягались, когда Адам наклонял мотоцикл в крутых поворотах. Как только мое тело приспособилось к движению и скорости, я ослабила мертвую хватку.

– Мотоцикл твой? – спросила я, когда мы остановились на светофоре.

– Взял напрокат. Не могу перемещать их по потокам.

Хотя мои руки находились совсем рядом с его сердцем, пульс резонировал прямо сквозь кожу.

– У тебя есть права?

Загорелся зеленый, и Адам пронесся через перекресток.

– Есть.

– Законные?

– Зависит от твоего представления о законности.

Я фыркнула. Неужели ожидала, что неоперенный, руководивший командой хранителей, станет соблюдать правила? До чего же наивно с моей стороны.

Как только мы выехали из центра города, Адам набрал скорость. Поскольку я предпочитала не становиться жертвой на дороге, я прижалась к нему всем телом, наблюдая, как мимо нас проносится Чикаго: аккуратные ряды кирпично-ка-

менных зданий с одной стороны, бескрайнее голубое озеро с другой.

Красиво.

Я решила, что после Венесуэлы поищу миссию здесь. Что, конечно же, заставило меня вспомнить Робби Данмора и его «гуманитарную» поездку. Я все еще размышляла о нем, когда Адам въехал на подъездную дорожку прямоугольного дома из красного кирпича с большими эркерами и плоской крышей.

Дверь гаража с электроприводом поднялась, и Адам въехал внутрь, припарковавшись рядом с винтажным спортивным автомобилем вишнево-красного оттенка и грудой хлама. Я спрыгнула с мотоцикла, рассматривая множество коробок, битком набитых зубчатыми инструментами, аппаратами с недостающими деталями, веревками, резиной, винтами и электрическими проводами.

– Ты снял этот дом у серийного убийцы, о котором трубят во всех новостях? – Я окинула взглядом полку, которая провисала под тяжестью чистящих средств промышленных масштабов.

– У Буна страсть к коллекционированию и переиспользованию сломанного хлама.

– Мы называем его умельцем. – Ноа появился в дверном проеме, розовые крылья плотно прилегали к его спине, глаза пристально следили за Адамом. – Рад видеть тебя здесь, Найя. – Он все еще смотрел на друга, приподняв бровь. –

Что привело тебя в нашу часть света?

– Я приехала, чтобы собрать данные и устройство слежения.

– Устройство слежения? – Его глаза расширились настолько, что карие радужки потонули в белых лужичах. – Ты берешь ее в команду?

– Я просто фрилансер, – любезно сказала я, хотя мне все еще претило, что меня обделили из-за того, кто мой отец.

Кадык Ноа поднялся на дюйм вверх, затем опустился.

– Вызвалась фрилансером на дело о серийном убийце?

Мое внимание переключалось между двумя неоперенными.

– Так вот над чем вы здесь работаете!

– Эм-м... – На лбу Ноа выступил пот.

Подбородок Адама заострился, возможно, потому, что он усиленно стачивал зубную эмаль.

– Найя твердо решила присоединиться к «Девушкам Круга», так что мы собираемся ей помочь. – Он повернулся и прошел мимо Ноа, и, хотя Адам находился ко мне спиной, я почувствовала, что он что-то шепчет своему вспотевшему другу.

Я засунула руки в карманы джинсов.

– Он не в восторге от моего решения помочь.

– Забавно. Так и не скажешь, учитывая, как он выбежал отсюда ранее, будто полыхала его задница.

– Ты имеешь в виду дом?

– Не-а. Я имею в виду задницу.

Я улыбнулась; Ноа вторил моей улыбке.

Какая сила заключалась в простом изгибе губ. Я не думала, что это положит начало прекрасной дружбе, но надеялась, что бедняга перестанет покрываться крапивницей в моем присутствии.

– А что пахнет так... – Подняв нос, я полной грудью вдохнула подслащенный воздух. – Вкусно?

– Только что достал из духовки шоколадный кулан⁷ с ванильным мороженым. – Ноа провел рукой по зачесанным на висок волосам. – Ну, сам торт. Мороженое в духовку не клал.

Я засмеялась.

– Есть шанс, что я смогу его попробовать? Обожаю шоколадные торты.

Сильнее ухмыльнувшись, он указал на дверной проем.

– После тебя.

Я прошла мимо него и оказалась в светлом деревянном помещении, в четыре раза превышавшем размер моей подвальной обувной коробки.

– Ты печешь, чтобы выпустить пар, или у вас передышка в поимке серийного убийцы?

– Ноа отвечает за домашний тыл. – Адам прислонился к кухонной стойке, также сделанной из дерева.

⁷ Французский десерт из нежнейшего шоколадного бисквита и ганаша на базе черного шоколада. Главным отличием от шоколадного фондана служит то, что в кулане сердцевина остается жидкой всегда, а не только в горячем виде.

– Он имеет в виду, что, когда команда собирается вместе, я каким-то образом забираю на себя работу по дому.

– Не слишком ли ты драматизируешь, милый? Мы все участвуем. – В кухню вошла девушка с волосами цвета воронового крыла, подстриженными под боб, – они так напоминали волосы Миры. Однако на этом ее сходство с офаном моей гильдии заканчивалось. У этой девушки мягкая линия челюсти, полные щеки, веснушчатая кожа, и у нее больше пирсинга, чем колец у моей матери. Маленькие колечки украшали край ее ушей, бриллиант сверкал в носу, а золотая штанга была воткнута в язык. – Ты, должно быть, Найя. Я просто *умирала* от желания познакомиться с тобой. – Она протянула руку, и ее скулы заострились от ухмылки.

– Поумерь пыл, Джи, – пробормотал Адам.

Галина закатила глаза, улыбка осталась на месте.

– Просто хочу как следует поприветствовать нашего нового члена команды, поскольку, как полагаю, ты этого не сделал, нацепив на себя привычную маску угрюмости.

– Она не... – начал Адам.

– Я не... – в то же время произнесла я.

– Часть команды, – закончили мы с ним в тандеме.

Ноа присвистнул, выкладывая только приготовленный торт на керамическую тарелку и добавляя порцию мороженого, но это мало нарушило нарастающую тишину.

– Эй, Бун, слышал чудесные новости? – позвала Галина через плечо. – Ты будешь дежурным по туалету до конца

недели!

Откуда-то из недр дома донесся стон, затем скрипнула лестница, и вошел парень с собранными в короткий хвост волосами.

– Мы с Буном заключили пари, *не на деньги*, поспорив, привезет ли Адам тебя сюда. – Галина потерла ладони. – Проигравший чистит все туалеты.

– Однако Найя не останется, – сказал Адам.

Бун оживился, но потом закусил губу, сгладив изгиб, полный надежды.

– Не подумай, что я взволнован из-за того, что ты так скоро уезжаешь, Найя. Просто нет ничего хуже мытья туалетов. Я неуверенно улыбнулась ему.

– В этом я с тобой согласна.

Адам фыркнул.

– Поскольку тебе приходилось мыть *ох* как много туалетов в своей жизни.

– Вообще-то приходилось. Во время миссии. – Однажды я выбрала беременную грешницу, которая страдала от утренней тошноты. Исправляя ее, я помогала по дому и в рамках обязанностей отскребала засохшую рвоту с унитаза. Я не стала рассказывать обо всем этом Адаму, потому что мне не хотелось оправдываться перед ним.

Вероятно, чтобы разрядить напряжение, Галина сказала:

– Хорошо, что в нашем пари мы не указали количество часов.

Бун снова застонал, усаживаясь за деревянный обеденный стол.

– Итак, какова твоя роль в группе, Бун? – спросила я. – Кроме мытья туалетов?

Галина хихикнула.

– Я мастерю всякие штуковины.

Верно. Ноа называл его умельцем.

– Так это ты снабдишь меня GPS?

– Я? – Он бросил взгляд в сторону Адама. – Эм... зачем?

Чернокрылый лидер команды поднес бутылку с водой к губам, но пить не стал.

– Найя не желает отказываться от миссии «Девушек Кру-га». Я предложил оказать ей немного технической поддержки, чтобы мы могли прилететь и спасти ее задницу, когда Данмор поймет, что она не та, за кого себя выдает.

Мои пальцы сдавили тарелку, которую мне подал Ноа. Обладай я сверхчеловеческой силой отца, керамика бы разбилась вдребезги. *Не реагируй. Не реагируй.*

Но я не сдержалась.

– *Спаси мою задницу?* Знаю, что ты считаешь меня слабой неоперенной, но я не нуждаюсь в спасении. Если это единственная причина, по которой ты предложил мне устройство слежения, то, полагаю, я зря потратила время. – Мои пальцы задрожали так сильно, что торт покачнулся.

Ноа шагнул ко мне и вложил в руку ложку, эффективно заслоняя Адама.

– Никто не считает тебя слабой. Слабак не подписался бы на полевую службу. А теперь попробуй мой десерт и скажи, что это лучший торт в истории шоколадных тортов.

Хотя аппетит у меня пропал, я отнесла тарелку к столу и села на скамейку напротив Буна, чьи каштановые волосы торчали во все стороны так же, как и края стола.

– Когда ты вылетаешь в Венесуэлу?

Я сунула ложку в горку тающего мороженого и покрутила ее, пытаясь унять свое раздражение, чтобы не выплеснуть его на других.

– В понедельник. Завтра мы отправляемся в поместье Данморов на окраине Лондона, чтобы они могли подготовить нас к гуманитарной миссии.

Галина опустилась рядом со мной, подтянув колено к груди.

– Звучит чертовски сомнительно.

– Устройство слежения, Бун. Принеси. – Адам оттолкнулся от кухонной стойки.

Бун вскочил на ноги. Боже. Как они терпят этого противного чернокрылого?

– Остальных девушек ты тоже снабдишь устройством слежения?

– Нет. – Адам примостился во главе стола, прокручивая крышку бутылки.

– Почему?

– Потому что у нас нет пятидесяти одного устройства сле-

жения.

Бун замер между дверными косяками гаражной двери.

– Найя, у тебя уши проколоты?

Нахмурившись, я потрогала мочки.

– Да.

– Супер. – После этого странного вопроса он скрылся в гараже.

Когда я отломил кусочек торта, справа от меня раздалось негромкое шипение.

– Ты притащил ее сюда?

Ну и тебе привет, малыш.

– Разве ты не рад, что не принял мое пари, Леви? – Галина оперлась локтем на стол и подперла щеку раскрытой ладонью, глядя на вошедшего мальчишку с гривой взлохмаченных каштановых волос. – Твой брат теперь дежурный по туалетам.

Значит, Бун – брат этого парня... На несколько лет старше, как мне показалось.

– Это вся команда или есть кто-то еще?

– Вся. Я и четверо парней. – Галина вздохнула. – Напомни, почему ты не присоединяешься к нам?

– Потому что Адам боится моего отца.

Он фыркнул.

– Ни черта я не боюсь твоего отца. Просто не хочу, чтобы он вмешивался, ведь весь Элизуим знает, как он одержим своей драгоценной дочуркой.

Я взглянула на него.

– Заботлив. Не одержим.

– Суть, черт возьми, одна, наследница.

Несмотря на отсутствие у стула спинки, я откинулась назад.

– Ты ведь понимаешь, что глупо называть меня наследницей, поскольку я не могу унаследовать титул отца?

Брови Адама сошлись над изумрудными глазами, превратив их в тени леса в сумерках.

– Я предлагаю вынести кандидатуру Найи на голосование. – Глаза Галины сверкнули, вторя ее многочисленным серьгам.

– Нет. – Адам сжал бутылку, и тонкий корпус хрустнул. – Не будет никакого голосования. Это моя команда, и Найя нам не подходит.

Галина взмахнула рукой.

– Еще это команда Дова, и он одобрил ее, помнишь?

– Но был ли у него настоящий выбор? – Адам взглянул на Ноа, который поморщился, закрепляя верх мешка с мукой зажимом.

– Она более квалифицирована, чем я, и все же ты взял меня в команду. – Сказал ли Ноа это, чтобы отвлечь внимание от своей чрезмерной болтливости?

Щеки Адама втянулись от раздраженного вздоха.

– Ты принес довольно много пользы.

Хотя он не добавил, что Найя этого не сделает, его мне-

ние о моей ценности – или скорее ее отсутствии – прозвучало громко и ясно. В глазах Адама, единственное, что я могу сделать, – впутать в их дела своего отца.

Галина бросилась на мою защиту.

– Временами ты такой бестолковый, Адам.

Я подняла руку, чтобы остановить их пререкания.

– Не желаю, чтобы вы, ребята, ссорились. Тем более что я даже не хочу получить место в команде. – От резкого укола в лопатке моя ложка выскользнула из пальцев и громко звякнула о тарелку.

Шок пронзил меня, заставив резко выпрямить спину. Мои крылья расправились, вибрируя от резонирующей боли. Я дышала, пока электрический ток не перестал пульсировать в правой части тела.

Даже не глядя на пол, я поняла, что произошло.

Перо только что отцепилось от моего тела.

Я подумала о Рейвен, о том, как она была уверена, что они прилипли ко мне естественным образом.

А потом задумалась об отце, о том, как он будет разочарован, если посмотрит мой счет. *Ата* тоже разозлится? Будучи неоперенной, она потеряла столько перьев, что я сомневалась, что разочарование станет ее главным чувством. Но ей точно будет любопытно узнать причину, и это будет стоить мне еще одного пера, поскольку я не могла проболтаться об Адаме и его команде хранителей.

Увлажнив губы кончиком языка, я подтянула крылья к

спине и наконец взглянула на мерцающее на паркетном полу темное перо.

Теперь, когда боль утихла, утрата казалась значительной. Став вехой, которую я хотела не то чтобы отпраздновать, но точно отметить, потому что я наконец-то почувствовала себя нормальной.

Я подняла ложку.

– Никогда раньше не теряла перья. Даже не была уверена, что могу. – Отделив кусочек шоколадного торта с растаявшим мороженым, я поднесла его к губам.

Возможно, меня должно волновать то, что потеря пера раскрыла мою ложь и последующее отчаяние, связанное с желанием получить место в команде, но – как сказала бы *ата* – нет мне до этого никакого чертова дела, меня слишком поглотили другие эмоции.

Теперь еще и торт. А я-то думала, что потеряла аппетит...

– Он потрясающий, Ноа.

Розовокрылый истинный уставился на меня вместе с остальными.

– Что? – Я провела большим пальцем по губам, надеясь, что шоколад не размазался.

Взгляд Адама проследил за моим пальцем.

– Что значит, ты не была уверена, что сможешь потерять перья?

Ох. Я опустила руку обратно на стол и пожала плечами.

– Моя лучшая подруга уверена, что из-за особого цвета

они неестественно прилипали к моим костям, поскольку все остальные теряют перья, а у меня до сегодняшнего дня не выпадало ни одного.

Галина подняла голову с ладони.

– Постой... это первое перо, которое ты потеряла?

Я кивнула.

Она покрутила серьгу в носу, косясь на мое перышко.

– Будешь его поднимать?

Я положила в рот еще один кусочек торта. Хотела ли я вновь пережить прошлое? Боясь, что это омрачит мое нынешнее спокойное состояние, я покачала головой.

Она согнулась, чтобы дотянуться до него.

– Можно мне?

– Нет, – рявкнул Адам.

Галина замерла.

– Перо принадлежит Найе, ей и решать.

Вена на виске Адама судорожно запульсировала. Очевидно, он не хотел, чтобы Галина подбирала мое перо, но почему? Может, боялся, что это нас сблизит и тем самым усилит ее желание взять меня в команду? Прикосновение к чужому перу сродни интимному опыту, не в сексуальном плане, а в психологическом, потому что ты касаешься чьей-то души.

И тут меня осенило, что можно использовать эту потерю в своих интересах.

– Вообще-то, я думаю, что это тебе стоит поднять его, Адам. Так мы немного решим проблему доверия, что будет

полезно для совместной работы.

Он вздрогнул. Ага... Не ожидал, что я предложу ему место в первом ряду в моей душе.

Оправившись от удивления, он нахмурился и сделал шаг назад.

– Я не подбираю чужие перья, Найя. Кроме того, твое прошлое не повлияет на мое доверие. Только на восприятие твоих навыков. Так что если ты закончила с чаепитием...

– Закончила. – От раздражения тон моего голоса опустился на целую октаву. – Давай покончим с этим.

Я перекинула ноги через край скамейки, чтобы встать. Своими движениями я стараюсь не задеть перо, хотя и знала, что не могла впитать воспоминания через подошвы ботинок. Схватив тарелку, я понесла ее к раковине, где вымыла ее так энергично, что пена летела во все стороны. Поставив темную керамику на сушилку, я повернулась.

– Здесь будем драться?

– В спортзале. – Адам кивнул в сторону двойных дверей, через которые ранее вошли Леви с Буном.

– Хочу на это посмотреть. – Галина встала, потирая ладони.

– Разве у тебя не назначено встреч, Галина? – спросил Адам. – С какой-нибудь подружкой детства. – Его слова звучали не вопросительно. Они напоминали элегантный отказ.

Галина взглянула на большие часы, висевшие над дверным проемом, и вздохнула.

– Черт. Я действительно хотела увидеть, как Адаму наде-
рут зад. Ноа, запишешь для меня?

– Никакого видео. Никаких зрителей, – низким, но резким
тоном сказал Адам.

Боялся ли он, что остальные потеряют к нему уважение,
если он пропустит несколько ударов, или же не хотел свиде-
телей, потому что собирался использовать грязные приемы?

Глава 15

Адам

Ангельский факт #256

Зачастую ангелы ведут себя совсем не по-ангельски.

Галина задержалась в дверях гаража.

– Прощаемся или я еще застаю тебя здесь?

Найя ласково улыбнулась Галине, подливая масла в огонь обожания, который шорим питала к дочери серафима.

– Думаю, все зависит от Буна.

– Он работает быстро, так что ее здесь уже не будет, – сказал я, бросив многозначительный взгляд на Галину, потому что Найю нельзя воспринимать как честного игрока. У нее в рукаве припрятан козырь.

– В таком случае было очень приятно познакомиться с тобой, Галина, и я искренне надеюсь, что мы еще встретимся. Либо здесь, либо в Венесуэле.

– Я тоже. Удачи, милая. – Полностью проигнорировав мое деликатное предупреждение, Галина подмигнула Найе и только потом ушла, бесшумно покачивая горстью разноцветных помпонов, прикрепленных к молнии ее кожаного рюкзака.

– Я могу взломать список и стереть ее имя. – Леви смотрел на меня со скамейки.

Мой взгляд метался между экраном его планшета и раковиной, где Ноа придвинулся к Найе, чтобы прошептать ей что-то на ухо.

– Что скажешь? Мне его стереть?

– Сначала мне нужно поговорить с ее сводным братом. Попробовать убедить...

– У Найи есть сводный брат? – спросил Леви.

Я оторвал взгляд от Ноа и Найи, продолжавших тихо болтать.

– Я говорил про Эмми.

– Ох. – Леви провел рукой по своим непослушным волосам. – Могу убрать и ее имя тоже. Но я имел в виду...

– Я понял, кого ты имел в виду. Дай сначала оценить, как она дерется. – Я поставил пустую бутылку из-под воды на стол и повысил голос. – Вы двое закончили тратить мое время?

Ноа искоса взглянул на меня, а затем сказал достаточно громко, чтобы я услышал.

– Он всегда напоминает ослиную задницу, когда волнуется.

Прежде чем Найя решила, что мое беспокойство связано с ней, я произнес:

– Сейчас я волнуюсь только о том, что кое-кто может загубить дело, на которое я потратил последние два года. Уничтожение преступных организаций, независимо от их размеров и масштабов, требует обучения, подготовки и самоотда-

чи. А не поедания сладостей и флирта. Это относится и к тебе, Ноа.

Друг попытался подорвать мой авторитет, демонстративно закатив глаза.

– Найя. В спортзал. Сейчас же.

Она прищурилась, подходя ближе.

– Ты понимаешь, что использование слова «пожалуйста» никак не умалит твоё позерство.

Мое позерство. Я фыркнул, затем продолжил бороться с весельем, пока она шла впереди меня в спортзал. А также не сводил глаз с серебряных крыльев, вышитых на её куртке.

Да что не так с ангелами, которые пытаются рекламировать свою сущность? Разве не достаточно просто знать об этом?

Найя остановилась так внезапно, что я врезался прямо в эти серебряные крылья.

И замер.

Даже не знаю почему. Это не настоящие крылья, а лишь вышитые нитками плоские копии.

Найя оглянулась через плечо. Наверное, мне следовало бы извиниться, хотя технически это *она* спровоцировала столкновение, но я все еще пытался осознать причину того, что превратился в статую.

Запустив пальцы в волосы, я обогнул ее и пулей помчался к матам.

– Мне снять обувь? – спросила она, стягивая с себя куртку

и бросая ее на стойку для штанги.

– Без понятия, Найя. Если собираешься спрашивать Робби Данмора, стоит ли тебе разуться, то, конечно, снимай свою блестящую обувь.

– Ты такой... Такой...

Из ее невидимых крыльев вылетело перо. Должно быть, из позера я превратился в нечто более ужасное.

Сделав неглубокий вдох, Найя целую минуту смотрела на сверкающий черный пух, прежде чем закрыть глаза и зажмуриться так сильно, что по ее щеке скатилась бисеринка пота. Или это слеза?

Неужели я так сильно ее обидел?

– Ты плачешь?

– Я в порядке, – процедила она, явно подтверждая обратное. А может, с ней действительно все хорошо, раз она не потеряла ни перышка после того, как заявила об этом.

Найя подошла ко мне и пихнула двумя раскрытыми ладонями в грудь, заставив отшатнуться.

Кто-то жаждал крови.

Когда ее колено устремилось к той части меня, которую мне бы не хотелось повредить, я блокировал удар, затем развернул Найю и зажал в удушающем захвате, стараясь не раздавить ей гортань. Несмотря на все мои разговоры о том, что не стану ее щадить, я не собирался причинять девчонке вред.

Ее вена сильно вздулась под моим предплечьем, когда она повернула голову и укусила меня за ухо, не настолько силь-

но, чтобы пустить кровь, но достаточно, дабы напугать. В то же мгновение, как моя хватка ослабла, она опустила подбородок, просунула голову прямо сквозь слабую петлю рук и опустилась на корточки.

Не успел я полностью прийти в себя, как Найя, опершись на ладони, выставила ногу, сбивая меня на мат.

С довольным взглядом она поднялась с корточек.

– Успокоился?

Воздух застрял где-то глубоко внутри меня:

– Нет.

Найя уставилась на меня большими, непостижимо темными глазами.

– Я только что сбила тебя с ног. Что еще тебе нужно? Чтобы я тебя вырубил?

– Даже если вырубил, я не успокоюсь.

– Почему?

Я повторил ее движения за вычетом покусывания ушей. Колени Найи подкосились, и она ударилась спиной о мат.

Прежде чем она смогла перевернуться, я оседлал ее бедра и прижал запястья к полу.

– Потому что ты собираешься лечь в постель с Робби Данмором, Найя, а не со случайным нариком или любителем игрищ с ножом.

Найя стала извиваться, ее футболка натянулась на груди и задралась, обнажив кусочек кожи. Эта девушка настоящая загадка – сильная и нежная, дикая и спокойная. Прежде чем

она успела заметить цепную реакцию, которую ее движения вызвали в моем теле, я вскочил на ноги и протянул руку, чтобы помочь ей подняться. Она так долго раздумывала, что я начал опускать ладонь, но затем Найя вложила свою руку в мою, принимая помощь.

Уже собирался высвободить пальцы, но она зажала мои фаланги и вывернула запястье, другой рукой потянувшись к паху, хватая меня за яйца.

Я застыл, не зная, двигаться мне или оставаться неподвижным.

Ее пальцы сжались, захватив все внимание моего члена. Да и мозга тоже, если уж на то пошло.

Найя приблизила губы к моему уху, ее сладкое дыхание согрело еще влажную мочку, и прошептала голосом оператора сексуальных услуг по телефону:

– Если я окажусь в постели с Робби Данмором, Адам, можешь не сомневаться, тотчас оторву ему эту часть тела.

Ее угроза и хватка должны были удерживать мое внимание, и все же кровь забурила от едва сдерживаемого ужаса перед образом, который она только что подкинула моему воображению, – того, как она соблазняет Робби Данмора.

Прищурившись, я взглянул на пульсирующие точки ее зрачков, на решительно сжатую челюсть, которая каким-то образом сохраняла мягкость на фоне ярости.

– Нет особого смысла отрывать гениталии мертвецу. Если не планируешь покончить с этим... – Она могла интерпрети-

ровать мои слова по своему усмотрению. – Отпусти. Меня.

Ее пальцы лишь сильнее сжали мой пах и руку.

– Хочешь драться грязно, Найя? Отлично. Давай драться грязно.

Глава 16

Найя

«Нет особого смысла отрывать гениталии мертвецу».

Что это вообще значит?

Прежде чем я успела спросить, Адам перехватил мои запястья и завел за спину, а затем прижался ко мне вплотную, заставив меня попятиться. Он держал так крепко и столь быстро двигался, что я была уверена: вот-вот впечатает меня в зеркало, которое тянулось от пола до потолка.

Я приготовилась к удару. Хотя моя спина уперлась в стену, столкновение вышло мягче, чем я ожидала. Полагаю, Адам не хотел платить за ремонт, а замена зеркала вылилась бы в круглую сумму.

Насколько смогла, я вывернула шею назад.

– *Теперь* мы закончили?

– Я пытаюсь помочь тебе, Найя, а не выбесить. Почему, во имя Абаддона, ты так злишься?

– Потому что ты обращаешься со мной как со слабачкой и постоянно напоминаешь, что я помеха.

– Я просто пытаюсь выявить твои сильные и слабые стороны. – Голос Адама ласкал слух. – Узнать, подходишь ли ты для этой работы.

– Только вот выбор за мной, а не за тобой. – Я попыталась

отпихнуть его, но лишилась рычагов воздействия. – Мне надоело доказывать тебе свою правоту. – Разозлившись, я прорычала: – Отпусти меня, Адам.

– Заставь меня. Заставь отпустить.

Я перекатилась на носках и врезалась лбом ему в челюсть.

Хоть и не сломала Адаму ни одной кости, моя атака ослабила его хватку на моих запястьях. Еще никогда я не боролась с такой агрессией, ни против офанимов, занимающихся боевыми искусствами, ни против человеческих мастеров с черными поясами, которых находила, чтобы освоить больше приемов.

Адам потер покрасневшую кожу, сверкнув глазами. В них плескалось удивление. Возможно, презрение. Но точно не восхищение. Когда он так и не отступил, я обошла его.

Вытянув руку, Адам обхватил меня за талию, крутанул назад, пока я не столкнулась с зеркалом, а затем прижался ко мне, обездвигив, как муху.

– Ты только начала проявлять свою силу.

– Я приехала в Чикаго, потому что ты обещал мне помочь, а не для того, чтобы меня оценивали и запугивали. – Мое рваное дыхание затуманило посеребренное стекло под щекой. – До сих пор ты не научил меня ничему, кроме того, что я не какая-то диковинная новая порода неоперенных с приклеенными перьями.

Я покачала головой, бесполезно скользя щекой по зеркалу. Хватка Адама не ослабла, но его тело стало жутко непо-

движным.

– Как получилось, что ты никогда не теряла ни одного пера?

– Я активно стараюсь ни о ком не думать плохо, даже о грешниках, и уклоняюсь от правды, но никогда не лгу. Можешь уже отпустить?

На этот раз Адам послушался. И даже сделал шаг назад, пока я поворачивалась, закипая от ярости.

Его губы долгое время оставались сомкнутыми, прежде чем он пробормотал:

– Надеюсь, ты готова расстаться с бóльшим количеством перьев, потому что тебе придется лгать и прибегать к незаконным методам в качестве хранителя.

– Как я уже говорила, я впереди всех неоперенных по количеству заработанных перьев, так что не считаю это проблемой.

– Как бы ты ни делала вид, что тебе плевать на свои крылья, уверен, твой отец иного мнения. Что будешь делать, когда он спросит, почему ты линяешь? Что ты ему скажешь?

– Скажу, что пытаюсь спасти людей. И пока ты не предположил обратное, я не сдам тебя и твою команду.

Адам прищурился одним глазом, будто не верил мне.

– Почему ты думаешь, что он будет против? *Ата* считает, что хранители должны существовать, и мой отец согласен. Я слышала, как они обсуждали этот вопрос.

– Если он считает, что хранители нужны, то почему не

поднял этот вопрос на Совете Семи?

— Потому что все еще добивается ратификации других законов. — Мое дыхание наконец-то выровнялось. — Он считает, что, если сразу внести слишком много изменений, это приведет к обратному результату.

Хотя взгляд Адама оставался напряженным, линия его плеч немного расслабилась.

— Если твой отец такой сторонник хранителей, почему пытаешься примкнуть к нам за его спиной?

Я затанула хвост.

— Потому что он считает, что хранителями должны быть только вознесенные.

Скрип половиц и негромкие шаги привлекли мое внимание к дверному проему.

Бун заглянул внутрь, склонив голову набок.

— Я закончил. А вы?

— Мы тоже. — Я прошла по черным поролоновым матам, не обращая внимания на упавшее перо. Его вид больше не причинял мне боли, но все равно тревожно наблюдать, как часть меня лежит там, не принося пользы.

— Твое перо, Найя.

Остановившись, я бросила взгляд через плечо.

— А что с ним?

— Разве не собираешься его поднять?

Я постучала пальцем по виску.

— Я помню каждого грешника, которому помогла.

Временами я даже вспоминала тех, кому не помогала.

Грешников, которые существовали только в моем воображении.

Я спрашивала Миру, могут ли мои странные и яркие сны быть предвидениями. Усмехнувшись, она сказала, что предвидений не существует. Ирония в словах сверхъестественного существа, но кто я такая, чтобы сомневаться в том, кто существует со времен эпохи Возрождения?

Я указала на перо.

– Подними его. Может, оно убедит тебя, что я не так уж бесполезна.

Глава 17

Найя

– Итак, как тебе удалось попасть к Данмору? – спросил Бун, когда я присела на скамейку на кухне, под которой лежало еще одно мое упавшее перо.

Ноа ушел, но Леви все еще был здесь, щелкая что-то на планшете, в его взъерошенных волосах торчали небесно-голубые наушники, из которых доносились гулкие басы.

– Я подписалась на девушку Адама, которая по электронной почте получила приглашение принять участие в миссии «Девушек Круга». Когда она рассказала об этом, ее сводный брат взбесился и поведал мне об этой сомнительной семье.

Бун нахмурился, его тощие почерневшие кончики пальцев застыли на боковых защелках пластикового контейнера.

– И тебе захотелось сблизиться с ними?

– Я хочу стать хранителем, Бун. Дело крупнее, чем я себе представляла, но, как говорится, все или ничего.

На его губах мелькнула улыбка.

– Сомневаюсь, что это относится к миссиям хранителей. – Он потянулся к ящику и достал что-то завернутое в промасленную ткань, которую он разворачивал с большой осторожностью, словно разрывая лист непропеченного слоеного теста. На фоне охристой ткани поблескивала пара жемчужных

гвоздиков размером с лягушачьи глазки. Неужели Бун развернул не ту упаковку?

– Так в свободное от работы время ты ювелир?

– Это, – сказал он, взмахнув рукой, – мое последнее изобретение: декоративные устройства слежения.

Я посмотрела на него, потом на серьги.

– Ты шутишь? – Я зажала одну из них большим и указательным пальцами и поднесла к лицу, удивляясь тому, насколько она незаметна. – Потрясающе.

Леви оторвал взгляд от экрана, чтобы внимательно рассмотреть работу брата. Отсутствие удивления сказало мне, что он либо знал, чего ожидать, либо привык к подобному творчеству.

– Корпус из карбоната кальция... – Когда я склонила голову набок, Бун пояснил: – То, из чего делают жемчуг. В любом случае с помощью него встроенные маячки остаются невидимыми для самых высокотехнологичных детекторов.

– Ничего себе. – Я положила миниатюрный гаджет к его близнецу. Вместо того чтобы приземлиться рядом, он откатился в сторону.

На мой нахмуренный взгляд Бун пояснил:

– Магнитная сила, притягивающая их, позволяет им автономно подзаряжаться.

Бун достал смартфон из заднего кармана шорт и несколько раз нажал на экран, пока не появилась схема. Одна красная точка периодически мигала. Я решила, что это наше ме-

стоположение.

– Они огнестойкие и водонепроницаемые.

Я очень надеялась, что не окажусь в ситуации, где придется испытать их огнестойкость.

– И я не смогу случайно выключить их или что-то в этом роде?

– Нет. – Медово-карие глаза Буна остановились на моих мочках. – Готова примерить?

Я сняла тонкие кольца, которые вечно обнимали мои уши. *Ата* подарила их мне, когда Рейвен отвела меня проколоть мочки в честь появления моего сотого перышка. Лучшая подруга отпраздновала мое крошечное преобразование, хотя оно ощущалось полноценным, праздничным мороженым, которое мы съели до последней сливочной капли на набережной Майами.

Убрав кольца в карман джинсов, я вставила жемчуг. Серьги казались тяжелыми и ощущались чужеродно на мочках.

– Вы сможете отследить меня во время полета из Лондона в Каракас?

Я все еще не могла поверить, что мне предстоит лететь на самолете. Разве не причудливо, насколько воодушевляла меня возможность добавить это к моему постоянно растущему списку человеческих впечатлений?

Бун кивнул брату, который все еще что-то печатал гибкими пальцами, как у пианиста.

– Леви будет следить за полетом в режиме реального вре-

мени. Если там что-то случится, он сумеет перенять управление самолетом и посадить его.

Мое сердце забилося быстрее при мысли о том, что что-то может произойти во время перелета.

– Это, – сглотнула я, – обнадеживает.

– Ничего не случится. – Бун одарил меня ободряющей улыбкой, но она не очень помогла. – Леви получил доступ к списку пассажиров. Сюзен с Робби тоже поднимутся на борт.

Другими словами, Данмор не станет взрывать самолет, чтобы посеять хаос.

– Как думаете, что он планирует сделать с девушками?

Бун взглянул в сторону дверного проема. Я повернулась, но никого там не обнаружила.

– Адам считает, что Робби может попытаться организовать ситуацию с заложниками, чтобы отмыть деньги. Похитить девушек, а потом спасти их, заплатив солидный выкуп наличными. Умный способ перемещения финансов.

По моей коже пробежал холодок. Даже если девушки не пострадают физически, похищение оставит их с кучей психологических проблем, ведь Данмору придется сделать так, чтобы все выглядело и ощущалось по-настоящему.

Я прокрутила новые серьги.

– Если таков его план, надеюсь, что он будет держать нас вместе.

Бун облокотился на край стола, скрестив лодыжки.

– Он не станет организовывать пятьдесят разных похищений, это точно. Представь себе, какая морока.

– Резонная мысль.

– Что за мысль? – Мокрые волосы Адама намочили воротник его белой футболки.

– Бун рассказывал мне о твоей теории отмывания денег с помощью заложников. Он отметил, что нас всех, вероятно, похитит одна и та же организация и будет держать вместе. – Я отпустила высокотехнологичную серьгу. – Есть другие теории?

Адам обменялся долгим взглядом с Буном.

– Ты не захочешь их слышать.

– Вообще-то хочу.

Чернокрылый неоперенный поджал губы, но затем ослабил их, произнося слова, от которых кровь стыла в жилах:

– Проституция. Убийства. Тюремное заключение. Принудительная беременность.

Некоторые из его теорий объясняют, почему критерием Данмора были одинокие женщины старше восемнадцати лет.

– Как бы ему помогло использование их маток?

– Я просто перечисляю возможные варианты, Найя. По правде говоря, у нас нет ни малейшего представления о том, что планирует Данмор.

Бун пожал плечами.

– Насколько нам известно, вы действительно собираетесь строить дома для бедных.

– Может быть. – Но я в этом сомневалась. – Адам, мы еще не обсуждали это, но у тебя есть местный контакт? Кто-нибудь из венесуэльской полиции, кому я могу позвонить, если мне понадобится подкрепление?

Густые брови Буна взметнулись вверх.

– Контакт в венесуэльской полиции?

– Адам сказал, что вы работаете с правоохранительными органами людей.

– Правда?

– Если что-то пойдет не так, – Адам бросил на Буна взгляд, который заставил меня задуматься, не приукрасил ли он правду, потому что тот, похоже, не знал ни о каких отношениях с полицией, – я вытащу тебя. В венесуэльской полиции нет ни одного честного сотрудника.

– А как насчет ЦРУ? – Теперь почти уверилась, что Адам и его команда не работают с властями, и мне хотелось, чтобы он признался в обмане.

– Зачем тебе смертные, хрупкие людишки с огнестрельным оружием, когда у тебя есть я, Найя? – Адам обладал бесподобной манерой уклоняться от правды.

– А как же Дов? Он бы вмешался?

– Нет. Он доверяет это мне.

Полагаю, вмешательство ишима в дела неоперенных вызвало бы недоумение у жителей Элизиума. В конце концов, оценщики редко спускались в гильдии и еще реже покидали их пределы.

– Ты уже экипировал ее, Бун?

Умелец кивнул на жемчужины.

– Она во всеоружии.

Адам смахнул со лба влажную прядь.

– А что будет, если они заведут ее под землю или в место, окруженное глушителями?

– Трекеры смогут передавать сигнал на глубине до двадцати пяти сотен футов под землей. Что касается глушилок, то они им не помеха.

– И ты уверен, что датчики невозможно обнаружить?

– На сто процентов.

Адам провел кончиками пальцев по бедрам, обтянутым тренировочными брюками.

– Жаль, что мы не можем вживить их ей под кожу.

Боже. Насколько бесполезной он меня считал?

– Я их не потеряю. – Упершись локтем в стол, я подперла щеку кулаком. – А если они конфискуют жемчуг, то найду способ связаться с тобой. У кого самый простой номер телефона, который легко запомнить?

– Если их конфискуют, у тебя не будет времени связаться с нами, потому что негодяи будут знать, что ты работаешь против них, и...

– Жемчуг из Элизиума. – Бун вцепился в край стола. – Его нельзя сломать.

Адам перевел взгляд на друга.

– Дов дал их тебе?

Бун покачал головой.

– Я снял их с одного из ожерелий матери. Она не заметит. – Он оттолкнулся от стола и направился к холодильнику, затем схватил бутылку сока и разом выпил половину. – Эй, Леви! Скажи Адаму, сколько их у *ата*.

Леви вытащил один наушник.

– Наш отец дарит ей новое ожерелье на каждую годовщину, и сейчас они празднуют сто шестую. Она не заметит.

Адам скрестил руки на груди, вернув внимание ко мне.

– Я спрошу в последний раз, Найя: ты уверена, что хочешь внедриться в миссию «Девушек Круга»?

– Уверена.

Леви поднял глаза от своего экрана.

– Один клик – и ее не будет в списке.

Ее? Он же не мог говорить про меня?

Взгляд Адама переместился на Леви, затем на меня.

– Она сказала, что уверена, так что ничего не меняй.

Он имел в виду *меня*.

– Эй, Леви, может ты и получаешь приказы от Адама, но это мое задание. И *мне* решать.

Бун бросил пустую бутылку в мусорную корзину, где она звякнула о другие выброшенные стеклянные предметы.

– Леви. Ну же, брат, будь вежливым.

Леви расправил плечи, отчего они показались еще более узкими под растянутым хлопком.

– Она не часть команды.

– И ты тоже перестанешь ею быть, если будешь неуважительно относиться к Найе или к кому-либо еще, будь то хранитель или нет. – Тон Адама не допускал возражений. – Я серьезно, Леви. Извинись, или ты вылетишь.

Моргнув, я взглянула на Адама, будучи удивленной тем, что он готов пожертвовать товарищем по команде ради постороннего. Конечно, он устроил шоу, чтобы завоевать мое доверие.

Ворчливое «прости» наконец сорвалось с губ Леви.

– Смотри на нее, когда говоришь, – прорычал Адам, – и, черт возьми, отнесись к этому серьезно.

Глаза Леви вспыхнули сердитым голубым светом, когда он взглянул на меня поверх планшета.

– Прости, Найя. – В его голосе по-прежнему не чувствовалось сожаления.

Я кивнула в знак того, что услышала.

– Кто-нибудь из вас может вызвать мне такси, чтобы я сумела вернуться в гильдию?

Адам кивнул в сторону гаража.

– Я отвезу тебя. Иди к мотоциклу. Сейчас подойду.

Поблагодарив Буна за снаряжение для ушей, я встала и направилась в гараж, но тут вспомнила, что бросила свой бомбер на стойку для штанги.

– Забыла кое-что в спортзале.

Как только я переступила порог, мой взгляд упал на поролоновые маты. Сначала я не заметила своего сверкающего

пера, и мой пульс ускорился. Если бы Адам поднял его, это означало бы, что он заинтересован в...

Но тут что-то блеснуло. И вовсе не оседающая пыль.

Я увидела свое перо.

И оно вполне отчетливо говорило, что парень не заботился о том, чтобы узнать меня получше.

Глава 18

Адам

Ангельский факт #28

Крылья не всегда используются для полетов.

После того как я отвез Найю в гильдию, то сразу же отправился навестить родителей в Вене. Только *ара*, вечная сова, не спал. Я сидел с ним в кафетерии, пока он пытался накормить меня тортом, его любимым средством от всех болезней, будь то сердечные, душевные или телесные.

С тех пор как я сказал отцам, что порвал с Эмми, они решили, что мой повышенный уровень стресса и плохое настроение являются побочными эффектами разрыва. И я определенно переживал из-за одной девушки, но вовсе не из-за Эмми.

Я раздумывал над тем, чтобы рассказать отцу правду. Признание помешало бы Найе оказаться в постели с Робби Данмором, но в конечном итоге это обрекло бы на гибель и нас с Довом, а я слишком эгоистичен, чтобы пролить свет на наши запретные дела.

Я покрутил вилку.

– Не волнуйся. Мое взбалмошное сердце быстро исцелится, *ара*.

В ответ на мою шутку он улыбнулся и покачал головой.

Прежде чем он решил попытаться разобраться в том, что пошло не так в моих отношениях, — а *ара* не любил ничего сильнее сердечных дел — я рассказал о своем нынешнем грешнике-паразите. Выбранное мной определение заставило его улыбку увянуть и вызвало тихо сформулированную просьбу относиться к людям с состраданием.

— Некоторые не заслуживают сострадания, *ара*.

— Все заслуживают сострадания.

— Даже Тройки?

На долгое мгновение он замолчал.

— Зависит от их грехов. Но да, Адам, даже они.

— А как насчет нефилимов?

Он сглотнул, подняв взгляд на фреску, украшающую потолок. Ее нарисовал мужчина, который отказался от своих крыльев, потому что Элизиум не послушал его просьбы растить детей в стране ангелов до церемонии обретения ими костей крыльев.

Переведя взгляд на меня, *ара* пробормотал:

— Отсутствие крыльев не говорит об отсутствии сердца.

Мой отец сострадателен до мозга костей. Оба отца таковы, но *ара* из тех людей, кто прощал еще до того, как обидчик начинал извиняться.

Мы поболтали о Ноа и его миссии, затем о двух недавних вознесенных нашей гильдии. Когда я встал, чтобы уйти, *ара* затронул тему моих потерянных перьев.

Я пришел подготовленным.

– Если Сераф Ашер отменит правило об использовании ругательств, я стану еще вот на столько – я поднял руки вверх, ладонями друг к другу, но на довольно приличном расстоянии – ближе к бессмертию.

– *Adamleh*, – вздохнул *apa*. – Человеческие языки очень богаты, а твой разум изобилует воображением.

Другими словами: *прояви творческий подход*.

Провожая меня обратно через поток, он добавил:

– Когда в следующий раз увидишь Селесту, попроси у нее несколько советов. Она невероятно красочно ругается.

При упоминании матери Найи у меня участился пульс, потому что еще одним талантом Селесты было разбавлять непрозрачность наших умов так же, как она разбавляла свои краски. Эта женщина могла видеть вас насквозь, если вы не проявляли осторожность. Я надеялся, что Найя научилась защищать свой разум, иначе мы все окажемся в беде.

Несмотря на то что мне не удалось сбросить заботы с плеч, после встречи с отцом я почувствовал себя на удивление легче. Но эта легкость улетучилась, как только я вышел из здания гильдии Чикаго и мне на плечи вновь навалились и дело Фелисити Голд, и предстоящее задание Найи.

Я мчался на байке по улицам, залитым закатным солнцем, и мое настроение мрачнело вместе с небом. К тому времени, как я добрался до нашего дома, во мне не осталось ни намека на легкость.

Найя провела с моей командой всего час, но я почему-то

мог представить, как она стоит возле груды обломков Буна, обменивается шутками с Ноа, дарит Галине те самые улыбки, от которых ее узкий подбородок становится еще более изящным, и как обвивает свои женственные изгибы блестящими крыльями. Каким-то образом я чувствовал ее запах. Я поднял воротник футболки и понюхал его. И я продолжал это делать, даже когда вошел на кухню.

Болтовня и смех стихли при моем появлении, а брови ребят взлетели вверх. Я отпустил хлопок и направился к месту, которое они для меня освободили. Громкий плейлист, который Бун включил, эхом отражался от моего раскалывающегося черепа.

Меня редко одолевали головные боли, но экспедиция «Девушек круга» настораживала и до Найи. Теперь же...

Теперь...

Я подыскивал слово, чтобы выразить, насколько чертовски тревожным стало это дело. На миг у меня появилась мысль запереть Найю здесь против ее воли, но так я бы только спровоцировал ее отца покинуть кварцевые стены, и, хотя мне все равно, если бы он застал Найю врасплох в середине миссии, все же не хотелось, чтобы архангел появился в нашем штабе.

Я положил большую порцию вегетарианской лазаньи, приготовленной Ноа, на тарелку.

– Как прошла встреча с другом Фелисити?

– Информативно. – Галина соскребла застывший сливоч-

ный соус и слизнула его с вилки. – Я узнала, что Фелисити была Старшей.

Я ждал, пока Галина добавит хоть слово. Когда она этого не сделала, я спросил:

– Что значит «Старшей»?

– «Старшая» – сокращение от «Старшая Сестра». Такая школьная программа наставничества, в рамках которой старшие дети помогают младшим. Так вот, она помогала этой девочке с трудностями в обучении. – Галина положила телефон рядом с моей тарелкой, затем увеличила изображение темнокожего подростка с короткой стрижкой и майкой с надписью «Справедливость для Фелисити». Девочка стояла перед унылым сетчатым забором, обнимая фотографию Фелисити в рамке.

Я прокрутил страницу до надписи: «Каллиопа Андервуд, 15 лет, восемь лет спустя после того, как ее Старшая Сестра покончила с собой». Фотография сделана четыре года назад, сразу после того, как один из парней, изнасиловавших Фелисити, получил условно-досрочное освобождение.

– Этот парень еще жив, – сказал Леви. – Но взгляните сюда.

Он пододвинул ко мне планшет. На экране высветилась фотография шести парней, закинувших руки друг другу на плечи и стоящих перед домом студенческого братства. Я проверил фотографию светловолосого качка, названного в статье Галины, и, конечно, нашел его на снимке Леви.

Кожу начало покалывать. Несмотря на то что пятнадцатилетняя Каллиопа была юной, в ней уже чувствовалось что-то свирепое. Сейчас ей девятнадцать. Возможно, она учится в колледже.

– Есть ли у нас адрес Каллиопы Андервуд?

– Она живет со своим дедушкой, бывшим тренером по физкультуре. И угадайте: где он преподавал? – Галина повернулась на скамейке и села, скрестив ноги. От волнения у нее подкашивались колени. – В том же колледже, где учились эти шестеро.

Покалывание усилилось, пока живот не стал таким же твердым, как кулак, зажавший вилку. Я обвел взглядом стол.

– Он – тот, кого мы ищем.

– Или... – протянула Галина. – Она.

– Или они работают в команде. – Ноа поднес к губам бутылку пива, сделал глоток, затем опустил ее. – Это прощальный подарок от моей любимой чернокрылой неоперенной?

– А?

– Синяк, который у тебя вот... – Галина прижала кончик пальца к моему подбородку, пробуждая тупую боль, которую я приписал сжатой челюсти, – ...здесь.

Я резко дернул головой.

– Обязательно тыкать пальцем мне в лицо? – пробормотал я.

– Сложно устоять, – ухмыльнулась Галина. – Кстати, ты не передумал насчет пера?

– Какого пера?

– Того, что у тебя под задницей. – Она перевела взгляд на тени под скамейкой.

Точно. Перо. Первое, которое потеряла строгая неоперенная. Первое из двух.

– Избавься от него.

Галина прыгнула со скамейки и присела. Прежде чем я успел спросить, с чего бы пылесосу быть под кухонным столом, ее взгляд стал пустым. Я оттолкнулся от стола и схватил ее за запястье, но к тому времени, как отдернул его, перо уже рассыпалось в сверкающую пыль.

– Ох, чертов Абаддон, Галина, я имел в виду использовать пылесос.

Несколько секунд спустя она моргнула, выходя из транса.

– Ты не упомянул о способе.

Она встала, хрустнув спиной.

– Наш агент под прикрытием – очень милое создание. Хочешь знать, что...

– Нет.

Общие воспоминания создают связь, а я и так связан с достаточным количеством неоперенных. Кроме того, мне не хотелось еще одного напоминания о миловидности девушки, потому что она могла только навредить, а мой разум уже и так придумывал способы, которыми Робби Данмор собирался расколоть душу Найи, как орех, и дать ее незапятнанному свету просочиться наружу.

Раздраженный отсутствием контроля над ситуацией, я вскочил со скамейки и открыл дверцу морозильника, затем схватил бутылку «Грей гус» и отнес ее на стол. Я наполнил водкой свой пустой стакан для воды.

– Чувак, – сказал Бун. – Это повредит твоим крыльям.

– Я что, выгляжу так, будто мне есть до этого дело? – проворчал я в свой стакан с вязкой жидкостью.

Ноа посмотрел на меня с беспокойством.

– Не смей добавлять свои нотации.

Он глубоко вздохнул, встал и взял тарелку, затем поставил ее на пустые блюда Галины и Леви.

– Надеюсь, водка исправит твоё настроение.

Пока напиток распространял огонь в груди, медленно, но неуклонно гася трещащие нервы, я набросился на лазанью. Остальные снова начали болтать о деле Фелисити. После того как мы договорились встретиться с Каллиопой и ее дедушкой на рассвете, я отключил и их, и музыку, погрузившись в свои мысли.

Одно дело почти завершено. Осталось более напряжённое.

Я прокручивал в голове все сценарии того, что могло случиться с «Девушками Круга». И каждый из них вызывал новую волну ярости. После двух порций лазаньи и новой стопки водки моя кровь закипела, а крылья лишились пера. Я встал так резко, что скамейка покатила назад, чуть не сбив Галину с ног.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.